

МОТЕЛЬ

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ

С НАСТУПЛЕНИЕМ ТЕМНОТЫ МИР
СТАНОВИЛСЯ ДРУГИМ. ТРИ ЧАСА НОЧИ
БЫЛИ САМЫМ ХУДШИМ ВРЕМЕНЕМ...

СИМОНА
СЕНТ-ДЖЕЙМС

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА "СЛОМАННЫЕ ДЕВОЧКИ"

Симона Сент-Джеймс

Мотель «Вечерняя заря»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69545770

Мотель «Вечерняя заря»:

ISBN 978-5-00131-520-9

Аннотация

Решение двадцатилетней Карли оставить колледж, перебраться в захолустный городок Фелл на севере штата Нью-Йорк и устроиться ночным администратором в старый мотель вызывает удивление у всех ее знакомых и близких. Лишь одна Карли знает его истинную причину – она должна разгадать тайну загадочного исчезновения в этом мотеле тридцать пять лет назад двадцатилетней Вивиан – родной сестры матери Карли.

А в мотеле и сейчас что-то неладно...

Содержание

Фелл, штат Нью-Йорк	5
Фелл, штат Нью-Йорк	14
Фелл, Нью-Йорк	26
Фелл, Нью-Йорк	37
Фелл, Нью-Йорк	44
Фелл, Нью-Йорк	50
Фелл, Нью-Йорк	65
Фелл, Нью-Йорк	76
Фелл, Нью-Йорк	92
Фелл, Нью-Йорк	107
Фелл, Нью-Йорк	118
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Симона Сент-Джеймс

Мотель «Вечерняя заря»

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2023

Всем чудачкам, занудам и мердерино¹.

Девочки, эта книга для вас.

¹ Мердерино (от англ. *murder* – убийство) – поклонники документально-криминального жанра. – Здесь и далее прим. ред.

Фелл, штат Нью-Йорк

Ноябрь 1982

Вив

В ночь, когда все закончилось, Вивиан была одна.

Правда, это ничуть ее не расстроило. Даже наоборот. Благодаря ночным дежурствам в этой богом забытой глуши она поняла одну вещь: находиться среди людей куда легче, чем в полном одиночестве. Особенно если вокруг темнота. Но человек, привыкший существовать наедине с собой и собственными мыслями, всегда сильнее других. Он всегда во всеоружии, всегда готов к неожиданностям.

Тем не менее, сворачивая на парковку мотеля «Вечерняя заря» в городке Фелл, Вивиан ощутила знакомый страх. Некоторое время она, не заглушая мотора, посидела за рулем своей помятой «тойоты-кавалер», кутаясь в накинутое на плечи пальто; в салоне по-прежнему работали печка и радио. Окинув взглядом длинные корпуса двухэтажного здания в форме буквы *L* и светящуюся желто-голубую вывеску мотеля, девушка подумала, что совсем не хочет туда идти. Но все равно пойдет. Она была готова, но страх все не проходил. Часы показывали 22:59.

На глазах у нее выступили слезы. Из груди рвался крик. В горле стоял ком.

Не хочу туда идти.

Но все равно пойду. Потому что всегда хожу.

В лобовое стекло ударились первые капли ледяного дождя. В зеркале заднего вида отразилась промчавшаяся с гудением фура. Время на часах сменилось на 23:00, и по радио начались одиннадцатичасовые новости. Еще минута, и она опоздает, но ей было все равно. Никто ее не уволит. На работе она или нет – кому какая разница? В мотеле редко останавливались посетители, да и те никогда не замечали опозданий ночной дежурной. Иногда здесь было так тихо, что случайному наблюдателю могло показаться, будто в этом месте никогда ничего не происходит.

Но Вив Дилейни знала: это не так.

«Вечерняя заря» только казалась пустынной. На самом деле все было иначе.

Холодными пальцами Вив откинула солнцезащитный козырек. Провела рукой по волосам: модная короткая стрижка, объемная благодаря лаку, едва прикрывала уши. Проверила, как лежат на веках тени: цвет не холодный, как у многих, скорее нежно-лиловый, почти лавандовый, будто синяк. Немного желтого или оранжевого – и «синяк» выглядел бы застаревшим, но в тот вечер у нее не было на это времени. Она лишь нанесла немного пурпура на края век – прямо у темной линии подводки. Зачем она вообще накрасилась? Она уже и не помнила.

По радио только и говорили что о трупе. В канаве на Мел-

борн-роуд примерно в десяти милях отсюда нашли тело молодой девушки. Место не сказать чтобы оживленное: лишь мотель на обочине двухполосного шоссе, ведущего из Фелла в северную часть штата, а оттуда – в Канаду. Отсюда до места, где обнаружили труп, нужно проехать по шоссе всего милю, затем повернуть направо на перекрестке с односекционным светофором, и проехать еще две улицы. В последний раз Трейси Уотерс видели выходящей из дома подруги в соседнем городе. Жертве было всего восемнадцать, преступник раздел ее догола и выбросил тело в канаву. Ее нашли лишь на третий день после того, как родители заявили о пропаже дочери в полицию.

Двадцатилетняя Вив Дилейни слушала историю очередной жертвы и чувствовала, как у нее дрожат руки. Каково это лежать под ледяным дождем без одежды, подумала она. Как же ей, наверное, было холодно. И почему такой страшной смертью погибают именно девушки: обнаженные, брошенные в придорожную канаву, словно сбитые насмерть животные. Сколько ни бойся, сколько ни осторожничай – ты всегда рискуешь оказаться следующей.

Тем более здесь. Здесь ты всегда можешь оказаться следующей.

Взгляд ее устремился на окна мотеля, в которых отражалось неустанное мерцание желто-голубых огней вывески. СВОБОДНЫЕ НОМЕРА. КАБЕЛЬНОЕ ТВ! СВОБОДНЫЕ НОМЕРА. КАБЕЛЬНОЕ ТВ!

Даже спустя три месяца это место по-прежнему внушало Вивиан страх. Дикий, животный страх, от которого все мысли то испуганно замирали где-то в области затылка, то роились в голове, как потревоженные пчелы. *Впереди восемь часов в одиночестве, в полной темноте. Наедине с собой и остальными.*

И наперекор самой себе Вив заглушила мотор: печка и радио, где все еще обсуждали Трейси Уотерс, разом отключились. Вздернув подбородок, она толкнула водительскую дверь и выбралась на холод.

Вив зарылась поглубже в воротник полиэстрового пальто и зашагала по парковке. В тот вечер она надела джинсы и на тонкой подошве темно-голубые кроссовки с белыми шнурками, подошва была чересчур тонкой для такой промозглой погоды. Волосы мгновенно намокли под дождем, ветер растрепал прическу. Она подошла к двери с надписью «Служебный вход» и потянула ее на себя.

Стоявший у стойки регистрации Джонни застегивал на выпирающем животе молнию пальто. Судя по всему, он видел Вив сквозь окошко в двери.

– Опаздываешь? – спросил он; на стене, прямо у него за спиной, висели настенные часы.

– Всего на пять минут, – возразила девушка, расстегивая собственное пальто.

Стоило ей переступить порог, как в животе у нее все сжалось и к горлу подступила тошнота. *Хочу домой.*

Вот только где он, настоящий дом? Фелл не был для нее домом. Иллинойс – тоже, хотя именно там она появилась на свет. Покидая его в последний раз – после скандального прощания с матерью, – она умчалась в Нью-Йорк, чтобы якобы стать актрисой. Разумеется, в тот момент – впрочем, как и все остальное время – Вив лишь играла роль, притворялась героиней какой-то вымышленной истории. Она понятия не имела, как становятся актрисами, но эта ее фантазия привела мать в ярость, чего оказалось достаточно. По правде говоря, тогда ей хотелось только одного: бежать куда глаза глядят и не останавливаться.

Она и уехала. И в конечном счете оказалась в Фелле. Что ж: в ближайшее время домом ей должен был стать именно Фелл.

– В 217-м миссис Бейли, – Джонни оглашал список немногочисленных постояльцев. – Она уже закупила алкоголь, так что жди звонка в любой момент.

– Ну класс.

Миссис Бейли приезжала в мотель, только чтобы напиться – вероятно, потому, что дома это было проблематично. Пьяной она звонила на ресепшен с требованиями, о которых потом обычно забывала.

– Кто-нибудь еще? – спросила Вив.

– Парочка, что направлялась во Флориду, уже выселилась. Сегодня дважды звонило какое-то хулиганье – дышали в трубку. Чертовы подростки. А еще я оставил записку – по

поводу двери в 103-й номер. Она открывается от ветра, даже если закрыть ее на ключ.

– С этой дверью давно так. Ты же, кажется, говорил Дженис об этом на прошлой неделе.

Дженис была хозяйкой «Зари», с которой Вивиан не виделась уже несколько недель. Может, даже месяцев. Она никогда не приезжала без особой надобности и уж тем более по ночам. Зарплату оставляла в конвертах на ресепшнере, а общалась при помощи записок. Выходит, даже хозяйка по возможности старалась держаться от этого места подальше.

– Ну так пусть починит, – пожал плечами Джонни. – Как-то странно, тебе не кажется? Ведь я же точно ее запираю.

– Согласна. Очень странно.

Но Вив к этим странностям уже привыкла. Никто из ее коллег не видел и не испытал того, что выпало на ее долю. Все это происходило только по ночам. Те, кто работал в дневную и вечернюю смены, даже понятия не имели, что тут творится.

– Надеюсь, никто больше не приедет, – заметил Джонни, накидывая капюшон, – и ночь пройдет спокойно.

Такого здесь не бывает, подумала про себя Вив, но вслух сказала:

– Да. Я тоже так думаю.

Она проводила мужчину взглядом: когда тот вышел из офиса, слушала, как он садится в машину, заводит двигатель и отъезжает. Джонни было тридцать шесть лет, и он по-

прежнему жил с матерью. Девушка представила, как он возвращается домой, может быть, смотрит перед сном телевизор. Ничем не примечательный человек, он жил совершенно нормальной жизнью, а не мучился от страха, как Вив. Он совсем не думал о Трейси Уотерс: та была для него просто именем, которое он когда-то слышал по радио, да и то уже почти забыл.

Может, она здесь единственная сходит с ума.

Воцарилась тишина, которую изредка нарушал только гул автомобилей на Шестой магистрали да ветер, шумевший в ветвях позади мотеля. Было 23:12. Через минуту стрелки настенных часов доползли до 23:13.

Вив повесила пальто на крючок в углу. С соседнего крючка она сняла темно-синий жилет из синтетической ткани с вышитым слева на груди названием мотеля и накинула его поверх белой блузки. Выдвинув деревянный стул, уселась за стойкой. Окинула беглым взглядом исцарапанную, покрытую пятнами столешницу: стакан с ручками и карандашами, черная коробочка импринтера (когда в него вставляли карточку, он издавал отчаянный скрип), дисковый телефон рвотного цвета. В центре лежала большая плоская книга регистрации, в которой новые постояльцы должны были указывать личные данные и расписываться. На развороте стояла дата: ноябрь 1982 года.

Достав из сумочки блокнот, девушка вытащила зажатую между его страницами ручку, раскрыла его на столе и запи-

сала:

29 ноября

В 103-м опять открывается дверь. Телефонные розыгрыши. Никого нет. Трейси Уотерс убита.

Снаружи послышался шум, и Вив замерла, чуть приподняв голову. Удар, еще один – ритмичный, бешеный стук. Дверь в номере 103 распахнулась и ударилась об стену. Еще раз.

Девушка на секунду прикрыла глаза. На нее волной нахлынул ужас. Выхода у нее не было – она уже здесь. Время на подготовку вышло. С этого момента и до утра Вив принадлежала «Вечерней заре».

Она снова опустила ручку.

А вдруг все, что я вижу и думаю, – это по-настоящему? Потому что так оно и есть.

Ее взгляд остановился на гостевой книге, на именах постояльцев. Вив прислушалась к тиканью настенных часов за спиной и продолжила:

Сегодня ночью призраки не спят. Им нет покоя. Думаю, все скоро закончится. Она попыталась унять дрожь в руках. Трейси, мне очень жаль. Я тебя подвела.

Из ее горла рвался стон, но девушка подавила его усилием воли. Затем отложила ручку и протерла глаза, смазав пурпурные тени.

Было 29 ноября 1982 года, 23:24.

К трем часам ночи Вив Дилейни исчезла.

С этого-то все и началось.

Фелл, штат Нью-Йорк

Ноябрь 2017

Карли

Что же это за место?

Очнувшись, я с ужасом взгляделась в темноту. Постель, огни за окном, комната – все незнакомое, чужое. С минуту я не понимала, как оказалась здесь, и это одновременно пугало и будоражило.

Наконец память вернулась: я в Фелле, городке в штате Нью-Йорк. Мое имя – Карли Кирк, мне двадцать лет, и самое главное – здесь меня быть не должно.

Потянувшись к прикроватному столику, я проверила телефон: четыре часа утра; единственный свет от фонаря и вывески круглосуточного ресторана «Деннис» проникал сквозь оконный тюль и падал на стену дымчатым квадратом. Теперь мне было уже не уснуть. Свесив на пол ноги, я нашарила на тумбочке очки и водрузила их на нос. Путь из Иллинойса был не близким, так что после стольких часов за рулем я должна была бы спать в этом обыденном сетевом отеле в центре Фелла как убитая.

Гугл мне не соврал: местечко было не ахти. В центре на каждом шагу попадались кафешки, прачечные, антикварные и букинистические лавочки со всяким хламом, дома с объ-

явлениями о сдаче внаем квартир, которые теснились вокруг супермаркета и аптеки. Улица, на которой расположился мой отель, проходила через весь город, словно большинство приезжающих в Фелл сразу ехали дальше, так и не свернув в центр. На въезде мне встретился знак «Добро пожаловать», который какой-то умник усовершенствовал, дописав баллончиком «отсюда».

Но я не вняла предупреждению.

Не снимая очков, я снова взяла телефон, чтобы прочитать электронные письма и сообщения, которые пришли, пока я спала.

Первое письмо было от нашего семейного юриста. «Остаток средств переведен на Ваш счет. Детали перевода – в приложении».

Я прокрутила вниз, не вчитываясь, и даже не открыла приложенный файл. Какой смысл? Я и так знала, что мне достались кое-какие деньги от мамы – нам с братом Грэмом пополам. Понятно, что это были не миллионы, но на первое время хватит, чтобы обеспечить себе еду и крышу над головой. Конкретные цифры мне видеть не хотелось, да я бы и не смогла. Если твоя мать умирает от рака, тем более в пятьдесят один год, такие вещи, как деньги, начинают казаться несущественными и даже глупыми.

По правде говоря, в такие моменты начинаешь переоценивать всю свою жизнь. Чем я, собственно, и занималась – спустя четырнадцать месяцев, не выныривая из пучины го-

ря. И все никак не могла остановиться.

В телефоне обнаружилась целая лавина сообщений от Грэма. «Карли, ты что творишь? Забросила колледж? И надолго? Как планируешь наверстывать? Ой, да делай что хочешь. Пропадет оплата – будешь сама выкручиваться. Ты же понимаешь, правда? Ладно, удачи, чем бы ты там не занималась. Постарайся не убиться».

Я открыла чат и набрала: «Привет, истеричка. Это всего на пару дней, и у меня все супер, чтоб ты знал. Просто ради интереса выбралась на небольшую экскурсию. А что такого? Да все будет хорошо. Убиваться не собиралась, но спасибо за заботу».

Вообще-то я надеялась остаться здесь на более долгий срок. С тех пор как умерла мама, идея получения степени в области бизнеса стала казаться бредовой. Поступив в колледж, я была уверена, что впереди еще куча времени и я успею разобраться, чего я хочу на самом деле. Но мамина смерть показала, что жизнь вовсе не такая длинная, как я думала. У меня накопилось много вопросов. Кажется, настало время искать на них ответы.

Хейли, невеста Грэма, тоже прислала эсэмэску: «Эй! Ты там в порядке? Волнуюсь! Если надо поговорить, я всегда здесь. Может, нужен новый психолог? Могу поискать! Договорились? Целую!»

Боже, какая же она милая. Я уже ходила к психологу. И к психотерапевту. Вызывала духов. Занималась йогой. Меди-

тировала. Пыталась ухаживать за собой. Но в итоге я поняла, что никакая терапия мне пока не нужна. Сейчас мне было нужно только одно: получить ответы.

Отложив мобильник, я раскрыла ноутбук и включила его. Кликнула файл на рабочем столе и нашла скан статьи из газеты 1982 года под названием «ПОЛИЦИЯ ИЩЕТ ПРОПАВШУЮ ЖЕНЩИНУ». Сразу под заголовком поместили фотографию молодой девушки, репринт с реального снимка. Красивая, полная жизни девушка улыбалась в камеру; на голове начес, волосы спереди приподняты и зафиксированы лаком, а сзади лежат свободно, в общем, типичная мода 80-х. Чистая кожа, глаза сверкают – даже на черно-белом фото. Подпись гласила: «В последний раз двадцатилетнюю Вивиян Дилейни видели в ночь с 29 на 30 ноября. Просьба тем, кто располагает сведениями о ее местонахождении, обратиться в полицию». Вот он. Тот самый вопрос, на который мне так хотелось найти ответ.

Сколько себя помню, я всегда была синим чулком: жила, уткнувшись носом в очередную книгу. Только в один прекрасный день я переросла «Черного скакуна» и увлеклась мрачной литературой – той, что повествовала о всяких страшилках, вроде исчезновений и убийств, в особенности реальных. Пока остальные читали книги Роулинг, я открывала для себя Стивена Кинга. Ровесники готовили исторические доклады на тему Гражданской войны, а я узнавала подробности дела Лиззи Борден. Доклад, который я потом сдела-

ла, – там подробно описывалось, под каким углом и в каком именно месте лезвие топора вошло в тела ее отца и мачехи, – настолько беспокоил мою учительницу, что та позвонила маме. «С Карли все в порядке?» Мама только отмахнулась – уж она-то знала, какая у нее мрачная дочка. «Все в порядке. Ей просто нравится читать про убийства».

Но было кое-что, о чем мама умолчала, – одно обстоятельство, о котором она вообще не любила говорить: мой интерес развился в силу естественных причин. У нас в семье было одно нераскрытое дело, и, сколько себя помню, оно не давало мне покоя.

Я снова перевела взгляд на выдержку из газеты. Вив Дилейни – та девушка на фотографии – была сестрой моей матери. В 1982 году во время ночного дежурства в мотеле «Вечерняя заря» она пропала, и с тех пор ее так и не нашли.

Это было гигантское темное пятно в истории нашей семьи – то, о чем все знали, но предпочитали не говорить. Исчезновение Вив по ощущениям было похоже на удаление зуба. «Не приставай к маме с расспросами, – посоветовал отец примерно за год до того, как навсегда от нас ушел. – Она расстроится». И даже мой брат, вечная заноза в заднице, отреагировал на расспросы болезненно. Сказал, что это было убийство: «Кто-то похитил ее и убил, какой-то маньяк с крюком. Жуть просто. Ясное дело, маме не хочется это обсуждать».

С тех пор как пропала тетя, прошло тридцать пять лет.

Бабушка и дедушка, родители мамы и Вив, уже давно умерли. Фотографий пропавшей в доме не было – не осталось ничего, что бы напоминало о ней. Во время летних каникул за год до маминой смерти я обнаружила в интернете заметку о Вив и впервые увидела ее своими глазами. Я решила, что, наверное, прошло уже достаточно времени, так что я распечатала выдержку из газеты и спустилась в гостиную, чтобы показать ее маме. После ужина она сидела на диване перед телевизором. «Гляди, что я нашла!» – объявила я. Забрав у меня листок, мама начала читать. Потом взглянула на фотографию и долго-долго не отводила глаз.

Когда она подняла взгляд, у нее было странное лицо, какого я никогда у нее не видела – ни раньше, ни потом. Наверное, боль. А еще усталость и застарелый, гниющий, проедающий насквозь страх. В тот момент я и подумать не могла, что у мамы рак и всего через год я ее потеряю. А может, она уже тогда знала и просто ничего не сказала, но мне почему-то в это не верится. То ее выражение, тот ужас – все это из-за Вивиан.

Когда мама наконец заговорила, ее голос звучал бесцветно, был совершенно лишен каких-либо эмоций. «Вивиан умерла», – сказала она. Потом отложила листок, поднялась и вышла из комнаты.

Больше я ее никогда об этом не спрашивала.

Только после маминой смерти я не на шутку разозлилась. Правда, не на нее саму, нет: когда Вив пропала, мама бы-

ла подростком и не могла толком ничего сделать. Но как же остальные? Полиция? Соседи? Ее родители?

Почему ее не объявили в розыск во всем штате? Почему Вив позволили исчезнуть и даже не пытались ее найти?

Первым делом я обратилась к Грэму – он был старше и помнил больше меня.

– К тому моменту бабушка и дедушка уже развелись, – сказал мне брат. – Когда Вив пропала, бабушка воспитывала ее одна.

– И что? Она поэтому не стала разыскивать дочь? А дедушка?

Грэм только пожал плечами.

– У бабушки особо не было денег. К тому же мама говорила, что они с Вив постоянно ругались. Никогда не ладили.

Я уставилась на него, не веря собственным ушам. Мы с ним сидели в маминой съемной квартире посреди ее старых вещей и коробок. Рядом лежала еда, которую мы заказали в ресторане, – собирались слегка перекусить.

– Это мама тебе сама рассказала? Мне она ничего такого не говорила.

Брат снова пожал плечами, прислонился к одной из коробок и уткнулся в телефон.

– Тогда ведь еще не было интернета, – объяснил он. – Никаких анализов ДНК. Хочешь кого-то найти – садись за руль да сам отправляйся на поиски. Бабушка же не могла просто бросить работу и сорваться в Фелл. А дедушка к этому вре-

мении уже снова женился. По-моему, ему и дела-то до них особо не было.

А вот это чистая правда. У мамы с ее отцом, который бросил семью на произвол судьбы, отношения складывались так плохо, что она даже не пришла на его похороны.

– Ну а как же полиция? – не отставала я.

Грэм отложил ненадолго мобильник и задумался.

– Ну что сказать, Вив не раз убегала из дома, а к тому моменту ей уже исполнилось двадцать. Копы, наверное, решили, что она просто переехала. – Он заглянул мне в глаза: – Тебе и правда очень интересно, да?

– Да, мне очень интересно. Они ведь даже тела не нашли. За окном уже давным-давно не 1982-й. Теперь у нас есть интернет, есть анализ ДНК. Может, что-то еще можно сделать.

– И кто же это сделает? Ты?

Да, я. Казалось, что никого другого просто не осталось. И теперь, после смерти мамы, я наконец могла задавать какие угодно вопросы и не бояться ранить ее чувства. Мама унесла с собой на тот свет все воспоминания о Вив, и я больше никогда о ней не услышу. Осознав это, я ощутила беспомощную ярость; мои многочисленные психологи и психотерапевты считали, что это чувство необходимо «проработать». Но по крайней мере часть этой ярости, часть этого возмущения, направленного на окружающих за то, что похищение и убийство моей тети списали на обыденное происшествие, я могла проработать, отправившись в Фелл и найдя там ответы сама.

Я кликнула на скан еще одной статьи, сохраненной у меня на компьютере. Незатейливый заголовок гласил: «Пропавшую девушку по-прежнему ищут». Деталей набралось немного: Вив было двадцать лет, в Фелле она провела три месяца, работала в мотеле «Вечерняя заря» в ночную смену. В одну из таких смен, прямо посреди ночи, она пропала, оставив после себя все имущество, включая машину и сумочку с личными вещами. Ее соседка по квартире, девушка по имени Дженни Саммерс, описала Вив как «приятного человека, с которым легко найти общий язык». Еще один знакомый – его имя не называлось – сказал, что она была «симпатичной и полной жизни». По словам опрошенных, серьезных отношений у нее ни с кем не было. Наркотиками и алкоголем не увлекалась, проституцией не занималась. Согласно заметке, ее мать, то есть моя бабушка, была «крайне обеспокоена» произошедшим.

Красивая девушка – и вот ее больше нет.

Ушла куда-то пешком. Без денег.

Умерла.

Национальные СМИ – как, впрочем, и те, что освещали события на уровне штата, – обошли случай Вив стороной. Местные газеты не успели оцифровать, поэтому все архивные выпуски хранились в библиотеке Фелла. В самом начале расследования мне удалось найти лишь несколько блогов, которые вели поклонники тру-крайма, да пару топиков на Реддите за авторством каких-то диванных сыщиков. Ни-

где не говорилось конкретно о Вивиан, но зато многие обсуждали Фелл. Оказалось, в городе произошло далеко не одно оставшееся нераскрытым убийство. Такое крошечное местечко, а настоящий рай для любого фаната тру-крайма.

Вторая статья обнаружилась в маминых вещах. После ее смерти я разбирала комод и нашла припрятанный под одеждой в дальнем углу ящика конверт. Белый, плотный, совершенно новый. Подписанный на обороте изящным маминым почерком: «Улица Гревиль, 27, квартира С».

Может, адрес Вив? Старая газетная вырезка внутри конверта чуть не рассыпалась у меня в руках, поэтому я сразу отсканировала ее и добавила к той, которую нашла первой.

Вивиан умерла.

Мама, которая не хотела помнить о своей сестре, не хотела даже говорить о ней, хранила эту заметку вместе с адресом на протяжении тридцати пяти лет. Более того, в какой-то момент она переложила вырезку в новенький конверт и даже подписала адрес, то есть ей пришлось, как минимум, вынуть ее из старого конверта, а там уж кто знает, может, она ее даже перечитала.

Вив и вправду существовала. Не страшилка и не сказочка про привидение. Реальная девушка, мамина сестра; не знаю почему, но при первом же взгляде на тот хрустящий конверт все сразу стало ясно: в жизни мамы Вивиан что-то значила — что-то такое, чего мне уже никогда не понять.

В моем распоряжении оказались всего две газетные вы-

резки и память о чужом горе. Правда, позже появилось еще кое-что. Небольшие сбережения и подробный маршрут поездки из родного Иллинойса в Фелл. А еще – адрес квартиры Вивиан (вероятно) и мотеля «Вечерняя заря». Ни парня, ни учебы, к которой лежала бы душа, у меня не было. Зато были своя машина и минимум личных вещей, без труда уместившихся на заднем сиденье. В свои двадцать я еще даже толком не успела начать жить. Как, впрочем, и сама Вив.

Отпросившись с учебы (Грэм явно принял это слишком близко к сердцу), я прыгнула в машину и отправилась в путь. Собственно, так я сюда и попала. Хотела посмотреть город, покопаться в архиве местной библиотеки. И конечно, взглянуть на «Вечернюю зарю» – тот самый мотель, который, если верить интернету, по-прежнему работал. Возможно, кто-то из местных знал Вивиан и мог что-то о ней рассказать. Может, тогда она превратилась бы из выцветшей фотографии в дальнем углу ящика в нечто большее. Ее исчезновение было главной загадкой нашей семьи, и мне очень хотелось разобраться во всем лично, пусть ради этого придется пропустить несколько учебных дней.

Постарайся не убиться. Старший брат пытался меня напугать. Не вышло. Я не из пугливых.

И все же, закрыв ноутбук, я невольно подумала о том, что пришлось пережить девушке на фото: кто-то хватает ее на улице, везет куда-то, причиняет ей боль и в конце концов убивает. Потом избавляется от тела в каком-нибудь укром-

ном месте, где оно, возможно, и пролежало все эти годы. Вполне вероятно, что от Вив уже остался один скелет. А ее убийца, кем бы он ни был, умер или сел в тюрьму. А может, и нет.

Вивиан умерла.

До чего же это несправедливо, что о ней вот так просто забыли, сведя целую жизнь к жалким клочкам газеты. Несправедливо, что мама забрала с собой все воспоминания о пережитом их семьей горе. Несправедливо, что на Вив всем, кроме меня, было глубоко плевать.

Но теперь я была в Фелле. Там, где меня не должно было быть. И все ждала и ждала, не смыкая глаз, когда же наконец наступит новое утро.

Фелл, Нью-Йорк

Август 1982

Вив

Здесь она оказалась по ошибке. Автобус неожиданно изменил маршрут и привез ее в Пенсильванию, после чего ей пришлось ловить попутки, чтобы хоть немного сэкономить. Первый водитель согласился подбросить ее всего лишь до Бингемтона, второй заявил, что направляется в Нью-Йорк, но где-то через час Вив поняла: они едут не туда.

– Город Нью-Йорк в другой стороне, – сказала она. – Вы везете меня на север.

– Что ж, – только и ответил водитель.

На вид ему было лет сорок, бледно-желтая рубашка, строгие брюки. Чисто выбритый, на носу – очки без оправы. Он продолжал:

– Надо было уточнить. Я-то думал, ты едешь на север, а не в город.

Вив ему говорила, в этом не было никаких сомнений. В окно она увидела закатное солнце; сердце колотилось в груди: интересно, куда же он ее везет? Ей не хотелось грубить. Может, лучше проявить вежливость?

– Ничего страшного, – отозвалась Вив. – Тогда высадите меня прямо здесь.

– Не глупи, – отмахнулся водитель. – Доедем до Рочестера – угощу тебя ужином. А там уже сядешь на автобус.

Вив улыбнулась, словно, увозя ее все дальше и дальше от места назначения, он оказывал ей услугу.

– Ой, вам не стоит беспокоиться.

– Стоит, конечно.

Машина выехала на двухполосный участок дороги, и Вив заметила впереди вывеску мотеля.

– Мне все равно нужно где-то заночевать, – настаивала она. – Остановлюсь вон там.

– Там? Подозрительное какое-то местечко.

– Да ладно, все с ним в порядке, – заверила Вив, а когда мужчина ничего не ответил, добавила: – Не хочу быть вам в тягость.

Водитель свернул на обочину, и Вив ощутила, как у нее пересохло в горле. Казалось, ее вот-вот вырвет. Она и сама не знала, почему так испугалась и почему ощутила такое облегчение, когда мужчина ее послушал. «Да что бы он сделал?» – корила себя Вив. Наверняка он хороший человек, а она повела себя как полная дура. Просто из-за того, что путешествовала одна. Приходилось перестраховываться.

И все же, когда машина остановилась, Вив моментально открыла дверь и с облегчением опустила одну ногу на гравий на обочине. Только после этого она развернулась всем телом, чтобы забрать с заднего сиденья свои вещи. Сидя к водителю спиной, девушка даже дышать не смела.

Но перетащив сумку на колени, она вдруг почувствовала у себя на бедре теплое прикосновение. Опустила глаза и увидела руку водителя.

– Ты можешь остаться, – предложил он.

В голове у Вив будто помутилось. Пролепетав что-то, она вывернулась из-под его руки, выскочила из машины и захлопнула за собой дверь. Единственные слова, которые девушка сумела выдавить, были «спасибо» и «простите», но машина уже отъезжала и водитель ее не услышал. Вив и сама не знала, почему вдруг решила это сказать. До нее вдруг дошло, что она осталась на безлюдной дороге рядом с таким же безлюдным мотелем; сердце билось так бешено, что грудь сжало спазмом почти до боли.

Дома, в Иллинойсе, где в городке Гришэм осталась ее семья, Вив приносила родным одни проблемы. После развода родителей она как будто ничего не могла делать как надо. Пока младшая сестра послушно следовала правилам, Вив нарушала все возможные запреты: прогуливала школу, возвращалась домой затемно, лгала матери, списывала на контрольных. Она понятия не имела, почему ведет себя так, – чаще всего ей и самой этого не хотелось. Просто иногда собственное тело начинало казаться ей чужим – оно попеременно то переполнялось агрессией, то уставало так, что Вив валялась с ног.

Она быстро превратилась в трудного подростка, и это ужасно злило и расстраивало ее мать. Однажды она застука-

ла Вив, когда та возвращалась домой в два часа ночи, и в порыве эмоций чуть не влепила дочери пощечину. «Думаешь, ты самая умная? – кричала она. – А если бы с тобой и правда что-нибудь случилось?»

Теперь, на обочине пустынной дороги далеко от дома, провожая взглядом огоньки фар подвозившего ее автомобиля, Вив невольно вспомнила те самые слова. *А если бы с тобой и правда что-нибудь случилось?*

Августовский закат пылал, свет заходящего солнца бил в глаза. На Вив была бирюзовая майка, джинсы с серебристо-белым ремнем и теннисные туфли. Закинув на плечо сумку с вещами, она перевела взгляд на вывеску мотеля: желто-голубая, название «Вечерняя заря» выведено старомодным шрифтом – такой часто встречался на вывесках пятидесятых и шестидесятых годов. Чуть ниже – неоновые буквы, которые, вероятно, загорались в темное время суток. СВОБОДНЫЕ НОМЕРА! КАБЕЛЬНОЕ ТВ!

Мотель был построен в форме буквы *L*: вход находился в длинной части здания; короткая тянулась вдоль дороги. Вход прятался под карнизом, к нему вела асфальтированная дорожка, а двери номеров выходили прямо на улицу. Ничем не примечательная постройка, выкрашенная в темно-коричневый и грязно-бежевый – обычно люди предпочитают не останавливаться в таких мотелях, если только не валяются с ног от усталости.

На углу здания Вив заметила лестницу, ведущую на вто-

рой этаж. На парковке – прямо напротив ближайшей к дороге двери с надписью «Офис» – стояла одинокая машина.

Вив утерла лоб. Концентрация в крови адреналина после побега от водителя постепенно снижалась, и теперь девушка ощущала лишь усталость и боль в плечах. Подмышки взмокли от пота.

В кармане у нее лежало долларов двадцать – последние наличные деньги. Еще был банковский счет: туда Вив откладывала деньги, когда еще в родном городе работала продавщицей попкорна в автокинотеатре. Туда же она положила небольшой гонорар, который получила за работу моделью для местного каталога одежды. Для этого ей как-то раз пришлось постоять перед камерой в «вареных» джинсах с высокой талией и пурпурной блузке на пуговицах; она полдня глупо улыбалась в объектив, засунув кончики пальцев в карманы.

Общая сумма ее сбережений составляла четыреста восемьдесят пять долларов. Эти деньги Вив откладывала на переезд в Нью-Йорк – предполагалось, что они помогут ей начать новую жизнь. Она запретила себе их тратить, пока не доберется до места. С другой стороны, вся эта поездка с самого начала пошла не так, как она рассчитывала.

Мотель выглядел достаточно дешевым. Возможно, за двадцать долларов она сумеет позволить себе хотя бы кровать и душ. Ну а если нет, всегда можно пробраться в один из номеров тайно. Судя по всему, за ними никто особо не следит.

Вив подошла к входу в офис и коснулась дверной ручки. Где-то далеко среди деревьев прокричала птица. На дороге не было ни единой машины. «Если мужчина по ту сторону окажется копией Нормана Бейтса, я просто развернусь и уйду», – решила она и, глубоко вдохнув, открыла дверь.

Человек внутри не был похож на Нормана Бейтса – на самом деле это был даже не мужчина. За старым офисным столом сидела женщина лет тридцати, стройная, но крепкого телосложения, каштановые волосы собраны в конский хвост, на лице – отпечаток пережитых трудностей. Одета она была в мешковатую серую толстовку, джинсы свободного кроя и тяжелые коричневые ботинки, которые Вив сумела разглядеть только потому, что незнакомка водрузила ноги прямо на стол. Появление Вив застало ее за чтением журнала.

– Чем-то помочь? – спросила женщина, не убирая со стола ног.

Вив расправила плечи и растянула губы в своей фирменной модельной улыбке.

– Привет! – сказала она. – Я бы хотела снять комнату, но у меня только двадцать долларов наличных. Скажите, пожалуйста, сколько у вас стоит номер?

– Обычно тридцать, – отозвалась женщина без малейшего колебания, даже не изменив позы; журнал она по-прежнему держала на уровне подбородка. – Но я хозяйка, и раз уж тут больше никого нет, то и от двадцати долларов не откажусь.

Ощувив волну ликования, Вив положила на стол двадца-

тидолларовую бумажку и выжидательно замерла.

Но женщина не шевелилась. Она по-прежнему держала в руках журнал и даже не прикоснулась к банкноте. Ее взгляд переместился на Вив.

– Проездом, дорогуша? – спросила она.

Вопрос казался достаточно невинным, поэтому девушка ответила:

– Да.

– Правда? Не слышала, чтобы ты тут парковалась.

Вив пожала плечами, стараясь казаться спокойной и беспечной. Обычно люди на это велись. Наконец женщина закрыла журнал и положила его на обтянутые джинсой колени.

– Ловила попутку на Шестой?

– На Шестой? – Вив растерялась.

– Шестая магистраль. – Женщина насупила брови, а потом добавила: – Была бы ты моей дочерью, я б тебя выпорола. Ловить там попутки опасно – особенно одиноким девочкам.

– Ничего я не ловила. Меня сюда подбросили. Я поймала машину около Бингемтона. Хотела добраться до Нью-Йорка.

– Что ж, милая, это не Нью-Йорк. Это Фелл. Ты не в ту сторону поехала.

– Я знаю, – вздохнула Вив.

Ей хотелось, чтобы женщина просто дала ей ключи от номера. Тяжелая сумка оттягивала плечо. Ей нужно было в душ. И что-нибудь съесть, хотя без заветной двадчатки Вив уже не была уверена, сможет ли она что-нибудь раздобыть.

Она указала на большую книгу, раскрытую посреди стола, похожую на журнал посетителей.

– Мне записаться? – Теперь Вив говорила голосом хорошо воспитанной девочки из пригорода Иллинойса. – Я смогу заплатить вам тридцать долларов, если завтра доберусь до банка. А то сегодня все уже закрыто.

В ответ женщина лишь фыркнула. Она бросила журнал на стол – Вив увидела, что это был *People* с Томом Селлеком на обложке – и наконец спустила со стола ноги.

– Есть идея получше, – объявила она. – Мой ночной дежурный только что уволился. Если присмотришь сегодня за ресепшеном, можешь оставить свои деньги себе.

– Что значит «присмотрю за ресепшеном»?

– Будешь сидеть тут и отвечать на звонки. Если кто-то придет, нужно взять с него деньги и отдать ключ от номера. Все ключи здесь, – Женщина выдвинула ящик справа от себя. – Потом пусть распишется в журнале. Вот и все. Как думаешь, справишься?

– А вам больше некого попросить?

– Ну я же сказала: дежурный уволился. Я тут хозяйка, так что выбор небольшой: либо посажу тебя на ночь вместо себя, либо придется самой тут торчать. Думаю, ты понимаешь, какой вариант мне больше по душе.

Вив выдохнула. Сама по себе работа ее не смущала: в Иллинойсе она частенько подрабатывала в сфере обслуживания. Но вот идея провести целую ночь без сна не особенно

радовала. С другой стороны, не придется тратить на ночлег двадцатку. А значит, можно будет чего-нибудь съесть.

Она осмотрелась в поисках подвоха, но вокруг были лишь унылые стены, рабочий стол, несколько полок и окошко на входной двери. С улицы донесся глухой рокот – мимо проехала машина. Небо уже темнело. Откуда-то потянуло сигаретным дымом. Запах густой и крепкий – от одежды такого не бывает. Где-то рядом кто-то курил. От этой мысли Вив почему-то сразу полегчало. Значит, здесь все-таки есть люди, пусть она их еще и не видела.

– Договорились, – сказала Вив. – Выйду в ночную смену.

– Отлично, – Женщина снова открыла ящик, достала оттуда ключ и бросила его на стол. – Ты в 104-м номере. Помайся, вздремни и спускайся ко мне в 11 часов. Как тебя зовут?

Запах дыма стал сильнее, будто курильщик только что затянулся и выдохнул.

– Вивиан Дилейни. Можно просто Вив.

– Что ж, Вив. Я – Дженис. Это «Вечерняя заря». Похоже, сегодня ты ночуешь здесь.

– Спасибо вам, – искренне поблагодарила девушка, но Дженис уже закинула ноги на стол и вновь переключилась на Тома Селлека.

Забрав ключ и свои двадцать долларов, Вив толкнула офисную дверь и вышла на тротуар. Она думала, что где-то поблизости ей встретится тот самый курильщик – наверное,

еще один постоялец, дымивший сигареткой на свежем воздухе, – но вокруг не было ни души. Вив прошлась по гравийной парковке и обошла ее, осматриваясь. В наступавших сумерках место казалось заброшенным: свет ни в одном номере не горел. Позади мотеля шумели на ветру деревья. Вдруг Вив слышался шорох – словно в темном углу парковки кто-то легонько шаркал подошвой по гравию.

– Тут кто-нибудь есть? – окликнула Вив, все еще думая про мужчину, который положил руку ей на бедро.

Тишина.

Стоя в сгущающейся темноте, девушка слушала шум ветра и собственное дыхание.

Потом она отправилась к себе в номер, приняла душ и упала на постель прямо в полотенце. Долго разглядывала потолок, чувствуя, как колется грубое одеяло. Она прислушалась в попытке уловить звуки, которыми обычно переполнен любой отель: шаги по коридору, голоса постояльцев. Звуки человеческой жизни. Но здесь их не было. Здесь царила полная тишина.

Что же это за мотель такой? Если тут и впрямь такое запустение, то почему же он до сих пор не закрылся? И зачем им вообще ночной дежурный? В автокинотеатре персонал ходил в 10 вечера, так как управляющий не хотел платить сверхурочные. Здесь ей, конечно, платить никто не собирался. Но даже при этом Дженис могла бы просто вырубить свет, закрыть офис и отправиться домой, а не искать кого-то на

ночь.

У Вив гудели ноги; постепенно она расслабилась и легла поудобней. Пусть ей было одиноко – по крайней мере, не пришлось стоять на обочине темного шоссе, уповая на еще одного водителя, который согласился бы ее подбросить. Девушка подумала, что было бы неплохо, если бы в мотеле нашлся автомат со снеками, а если бы в нем еще и оказались сникерсы, было бы совсем чудесно.

Тот водитель в желтой рубашке положил на нее руку так непринужденно, словно в этом не было ничего особенного, раз уж Вив села к нему в машину. Прежде чем она вывернулась, он успел скользнуть пальцами по внутренней стороне ее бедра. В животе у нее снова резко кольнуло от страха. Это чувство было для Вив в новинку. Гнев она переживала, но страх – никогда. А еще, с тех пор как развелись родители, она очень много спала – иногда до двух часов дня, из-за чего мать тоже частенько на нее кричала.

Ужас – внезапный и глубокий – который Вив испытала в тот вечер, почти парализовал ее. Она вдруг впервые осознала собственную хрупкость. Оказывается, жизнь может за просто оборваться в один момент – и не будет больше никакой Вивиан Дилейни. Она растворится в пустоте.

«Как же страшно», – содрогнулась девушка. А потом вдруг решила: если так, то это место вполне подойдет.

Прежде чем на смену этой мысли пришла другая, Вив провалилась в сон.

Фелл, Нью-Йорк

Ноябрь 2017

Карли

Гревиль-стрит – крошечная улочка всего на три квартала с невысокой жилой застройкой – вела в тупик, огороженный сетчатым забором. Дома больше напоминали кривоватые сооружения из гигантского конструктора; мода на такие бетонные коробки, обшитые сверху винилом, закончилась году в семьдесят первом. Сбавив скорость, я миновала несколько подъездных аллей, одинаково коротких и широких, пока не увидела дом номер 27.

Припарковавшись рядом с темно-серой «вольво» с закругленным бампером и лысыми покрышками, я словно окунулась с головой в другое время. Я приехала сюда, чтобы взглянуть на старый дом тети и получить хоть какое-то представление о ее жизни. Но совершенно не ожидала, что улица останется почти такой же, как тогда. Если адрес верен, то Вив когда-то тоже стояла на этом самом месте и видела перед собой тот же самый пейзаж.

Вокруг не было ни души, если не считать двух ребяташек, которые гоняли по улице на великах, дзинькали звонками и смеялись. Дверь в доме двадцать семь была открыта, и я зашла внутрь. Меня встретил небольшой коридор-

чик с почтовыми ящиками по обеим стенам и ведущей наверх лестницей. Ящик жильцов квартиры С был подписан: «Х. Аткинс». На ступеньках я задрала голову и осмотрела лестничный колодец, одновременно пытаясь сообразить, как стоит держаться, чтобы не приняли за сталкершу. И тут на площадке второго этажа показалась девушка.

Примерно моя ровесница, худенькая, но крепкая, с русыми волосами и челкой почти до самого подбородка. Откинув со лба несколько длинных прядей, она закрепила их заколкой, после чего обратила ко мне свое подвижное лицо с умными и ясными глазами. На девушке было огромное вязаное пончо – квадратный кусок ткани с прорезью для головы.

– По объявлению? – спросила она.

– Я...

– Других гостей у меня сегодня нет. Только новая квартирантка.

От этих слов я немного опешила. Переспросила:

– В квартиру «С»?

– Да. Поднимайся.

Развернуться мне даже в голову не пришло.

Вместо этого я взбежала по лестнице на второй этаж и зашла в квартиру вслед за девушкой в пончо. Внутри оказалось на удивление просторно: кухня, выстланная линолеумом, гостиная с большим телевизором и две спальни друг напротив друга.

– Меня зовут Хизер, – представилась девушка в пончо и

прикрыла за мной дверь.

Из-под складок шерстяной ткани высунулась рука, тонкая и белая, будто фарфоровая; от ее пожатия у меня побежали мурашки.

– Карли.

– Давай я тебе все тут покажу.

Не успела я оглянуться, как уже осмотрела все комнаты. Узнала, что горячая вода течет здесь как вздумается, а вай-фай работает через пень-колоду. Что платить придется двести долларов в месяц. А еще что я – немного дрянь, ибо так и не рассказала Хизер правду.

– Двести в месяц – как-то совсем немного, – заметила я.

Хизер потеряла ладонью затылок. Под глазами у нее залегли сиреневые круги, какие бывают от сильной усталости; в то же время она излучала какую-то лихорадочную энергию, которую просто невозможно было не заметить.

– Ладно, что толку врать? – выпалила вдруг Хизер. – Деньги мне не нужны. Пока я хожу в Фелл, за квартиру платит мой отец.

– В Фелл?

– В Фелльский колледж. Знаю-знаю, странная история. Местная девушка учится в местном колледже, но живет почему-то в съемной квартире, за которую приходится платить родителям. Ну что за бред? – Хизер склонила голову к плечу, словно ожидая ответа, но потом вдруг снова заговорила, так и не дав мне рта раскрыть: – Мне нужно научиться жить

самостоятельно – по крайней мере, так считают мои предки. Самой себя кормить, обслуживать и всякое такое. И мне все это нравится, честно. Но я тут совсем одна, а в квартире постоянно какие-то звуки. И поговорить не с кем. Я сова, по ночам вообще не сплю. Наверное, мне просто хочется, чтобы рядом находился живой человек. Суть не в деньгах. Понимаешь?

– Ну да. – Я решила поддержать разговор, так как девушка показалась мне достаточно милой. – Но я никогда не слышала про Фелльский колледж.

– Не ты одна. – Было видно, как под пончо Хизер пожимает тонкими плечами. – Это место для своих. В общем-то и не совсем колледж, если по правде. Никто про него не знает, но мы, местные, все равно туда ходим. Получается, ты как будто настоящий студент, хоть и живешь в том же городе.

– Разве не в этом весь смысл колледжа? Чтобы уехать подальше от дома?

– Смысл колледжа в том, чтобы там учиться, – пустила в ход непробиваемую логику Хизер. – Удивлена, кстати, что ты не из наших. Мне показалось, ты тоже студентка.

Я невольно опустила взгляд. Тот еще прикид: поношенные джинсы, старые ботинки на шнурках, торчавшая из-под растянутого худи черная футболка с надписью «Книги – моя жизнь», сумка через плечо. Добавить к этому очки в темной оправе и конский хвост – и получусь я, ходячее клише.

– Нет, вообще-то я и вправду студентка. Только учусь не

в Фелле, а в... – Оглядевшись по сторонам, я откашлялась и наконец решилась: – Ладно, я тоже признаюсь. На самом деле я сюда приехала не по объявлению. Это ты сама додумала.

У Хизер округлились глаза.

– И зачем же ты сюда пожаловала? – спросила она.

– Хм. Чтобы полюбоваться мрачной советской архитектурой?

Хизер хлопнула в ладоши, всколыхнув этим движением подол своего пончо. Ее взгляд засиял.

– Ты мне нравишься! Ладно! Рассказывай тогда, зачем приехала. И можно поподробнее. – Она на миг прикрыла глаза, а потом снова открыла и сказала: – Ты, наверное, страдаешь по своему бывшему. В квартире В жил один парень – кажется, даже неплохой. Только вот съехал на прошлой неделе.

– Нет-нет. Никаких страданий.

– Черт! Ну ладно. Тогда так: ты изучаешь археологию и во время раскопок нашла карту, которая в конце концов привела тебя сюда. Ты ищешь ответы.

Я посмотрела на нее в изумлении:

– Не так уж далеко от правды, хотя в моем случае все даже еще загадочнее.

– Обожаю загадки, – заявила Хизер.

Я снова изумилась, потому что девушка, похоже, говорила всерьез. У нас в Иллинойсе никто не любил необъяснимых вещей. По крайней мере, никто из моих знакомых.

– Мне кажется, тут когда-то жила моя тетя, – призналась

я. – В восемьдесят втором году она пропала без вести. Моя мама умерла и так ничего про нее не рассказала, поэтому я бросила учебу и приехала сюда, чтобы самой во всем разобраться.

Слова не казались бредом. Именно в этой квартире, в присутствии этой девушки они совсем не казались бредом.

Хизер и бровью не повела.

– Хм... Восемьдесят второй, говоришь. – Она задумалась. – А как ее звали?

– Вив Дилейни.

Девушка лишь покачала головой:

– Впервые слышу. С другой стороны, их так много, всех и не упомнишь.

– Кого много?

– Мертвых девушек. Полным-полно. Хотя ты ведь сказала, что она не умерла, да? Пропала без вести?

– Д-да.

– А до этого жила здесь, в этой квартире? – Хизер огляделась по сторонам, словно пыталась представить то время – точь-в-точь как и я сама.

– Да, кажется.

– А о предыдущих жильцах ты что-нибудь знаешь?

– А это вообще реально выяснить?

Хизер задумалась:

– Мой отец дружен с лендлордом. Могу узнать, сохранились ли у них какие-то записи за восемьдесят второй год.

Плюс что-нибудь в архиве нашей библиотеки. В Фелле же ничего не оцифровывают. Мы тут застряли в прошлом.

– Хочу найти людей, которые знали тетю лично, – продолжала я. – Я знаю, как звали ее бывшую соседку по квартире. Если верить Гуглу, она по-прежнему живет здесь. Надо ее найти и поговорить с ней. А еще тетя работала в мотеле «Вечерняя заря». Может, кто-то из персонала ее помнит.

Хизер кивнула, будто не услышала ничего необычного.

– Я тебе помогу, – сказала она. – Я всю жизнь живу в Фелле. Для меня тру-крайм что-то типа хобби.

Я не верила своим ушам:

– Для меня тоже!

Улыбка Хизер, хоть и кривоватая, мне все равно понравилась.

– Боже, ну тогда решено. Что скажешь?

– Что решено?

– По-моему, ты должна остаться, – твердо сказала девушка. – Это судьба. Оставайся здесь сколько нужно, а я помогу тебе найти тетю.

Фелл, Нью-Йорк

Ноябрь 2017

Карли

Хизер не соврала, сказав, что знает о Фелле почти все.

– Мой папа помешан на истории – заявила она без обиняков. – В его представлении лучший отпуск – это поехать в Американа-Виллидж просто гулять. В детстве все уши мне прожужжал об этом месте. Занудство – это у нас семейное.

Спустя несколько часов мы вернулись в квартиру С. Я забрала из отеля вещи и сложила их во второй спальне. Мы заказали пиццу, и хотя было еще только время обеда, на город уже потихоньку опускалась ночь. Я устроилась на диване, по-прежнему закутанная в пончо Хизер легла на полу. Она рассказала, что два года назад попала на велосипеде в аварию и теперь мучается от постоянной боли в спине. – Один звонок давит на соседний. Врачи говорят, нужна операция, но я не соглашаюсь. Только от одной мысли об этом у меня сдают нервы.

Поскольку до этого я заметила на полке в ванной целую гору рецептурных таблеток, задавать лишних вопросов я не стала.

– Меня интересует восемьдесят второй год, – напомнила я, бросив в коробку из-под пиццы обгрызенную корочку. –

Древние крепости и пушки мне, боюсь, не помогут.

– Ха-ха, – отозвалась с пола Хизер.

Она согнула ноги в коленях и расставила ступни; ее бледные руки были сложены на животе, глаза уставились в потолок.

– В Фелле нет крепостей и пушек, – сказала она. – Это странное место. Немного мрачное – прямо как я.

– Я кое-что почитала в интернете. Здесь есть нераскрытые убийства.

– Целая куча. И дело не только в тех, что не раскрыли. Те, что раскрыли, тоже. Не знаю точной статистики, но, учитывая небольшое число жителей, мы наверняка бьем все рекорды по количеству убийств на душу населения. По крайней мере, в масштабах Нью-Йорка. – Хизер протянула руку, и я вложила в нее кусок пиццы. – Не могу объяснить. Такое вот странное место, и все тут. Расскажи мне лучше про свою тетю.

Я рассказала ей о том, как Вив исчезла из «Вечерней зари» посреди ночи. Дала ей две свои газетные вырезки.

– Хм, – задумчиво протянула Хизер, рассматривая заметки. – Парня не было, наркотики не принимала. «Симпатичная и полная жизни». Фу. Если соседка все еще живет в Фелле, мы сможем найти ее в справочнике.

Вернув мне распечатки, она снова уставилась в потолок. Потом продолжила:

– Значит, она работала в ночную смену и вдруг пропала.

Ты не представляешь, сколько людей пропадает вот так вот, без следа. Оставляют открытые двери, еду на столе, обувь в прихожей. Кажется, что это невозможно, но ведь так и есть.

– Я знаю. Думаешь, полиция разрешит мне посмотреть материалы дела?

– Понятия не имею, но с таким старым делом возможно все. Кое-кто из диванных сыщиков уже пытался попасть в архивы местного полицейского управления, и ничего не вышло. Но тут все-таки другое – ты же родственница.

– А ты учишься на детектива? – спросила я, отложив в сторону папку.

Хизер рассмеялась:

– Едва ли. Куда уж мне с моей-то тревожностью. Нет, я изучаю средневековую литературу. Это куда больше в моем духе.

– В Фелльском колледже преподают средневековую литературу?

– Можно сказать, ничего другого там и не преподают. Полностью он называется «Фелльский колледж классического образования». Античная литература, латынь, классическое искусство и скульптура, русская литература и так далее в том же духе. Это крошечный частный вуз, его около ста лет назад открыл самый богатый человек в городе – видимо, хотел таким образом потешить свое эго. Сейчас там всего триста студентов. У нас еще ни на одной лекции не было больше десяти человек.

– И ты получишь ученую степень?

– Скажи на милость, – изумилась Хизер, – зачем кому-то может понадобиться ученая степень по средневековой литературе? Практической пользы от Фелльского колледжа немного. Поступай к нам. Тебе понравится.

– Вообще-то я изучала бизнес-управление.

– Карли! – Моя новая знакомая была так потрясена, будто я сказала ей, что учусь на порнозвезду. – Ты не можешь изучать бизнес. Ты – фелльская девочка. Это совершенно ясно.

Я протянула ей еще один кусок пиццы. Фигурка под пончо скрывалась худенькая, но пиццу Хизер уплетала за обе щеки.

– Не отвлекайся. История города? – вновь напомнила я.

– Ладно-ладно, – ответила девушка и отложила надкушенный кусок пиццы. – Значит, мотель «Вечерняя заря». Дай-ка подумать. Когда-то в начале семидесятых жители Фелла верили, что город станет популярным туристическим направлением, хотя у нас здесь нет ни гор, ни озер, да и вообще никаких достопримечательностей. В то время были планы построить гигантский парк развлечений, чтобы привлекать в город тысячи туристов ежегодно, поэтому пооткрывалось много всего: «Вечерняя заря», еще несколько мотелей, лавки с мороженым, рестораны. Но потом идея с парком провалилась, большинство заведений в итоге закрылось. Но «Вечерняя заря» по-прежнему на месте.

– Ее так и не закрыли?

– Ну, там мутная история, – призналась Хизер. – Может,

у них там наркочодилеры какие-нибудь собираются. Не знаю. Кое-кто из моих бывших одноклассников ходил туда на выходных напиться, но мои родители слишком правильные и меня туда не пускали.

Придвинув к себе ноутбук, я задумалась.

– Говорят, там водятся привидения, – вдруг сказала Хизер.

– Да ладно? – удивилась я.

– А то! Сейчас же они во всех отелях водятся, после «Сияния». Готова поспорить, там и люди умирали.

Я взглянула на Гугл-карту Фелла – место, где располагалась «Вечерняя заря», отмечено значком. Если мотель построили в семидесятых, то к восемьдесят второму году он должен был быть в достаточно неплохом состоянии. Могло там уже тогда быть небезопасно? Могли там уже тогда водиться призраки?

Если не считать глупых историй Грэма и наших с ним совместных просмотров ужастиков, я никогда особо не задумывалась о существовании привидений. Но теперь, в квартире Вив, где она проживала еще накануне своего исчезновения... Я думала об этом. О призраках и о том, могла ли тетька быть где-то поблизости – смотреть в окно или стоять в дверях, наблюдать за нами? Если ее и вправду убили, могла ли она вернуться – сюда или куда-то еще? Если пропавшие люди в конце концов возвращаются, значит ли это, что весь мир полон привидений?

Почесав под очками нос, я спросила:

– Хизер, ты сильно устала?

Все еще лежа на полу, девушка вздохнула:

– Я никогда не устаю. Говорю же, у меня бессонница.

– А заниматься тебе разве не нужно?

– Я уже дважды прочитала все учебники. Надо же человеку хоть что-нибудь читать.

Я улыбнулась:

– Ну что ж, раз человеку не нужно заниматься, может, он захочет съездить со мной в «Вечернюю зарю»?

Голова Хизер показалась из-за винтажного кофейного столика.

– Серьезно?

Я пожала плечами:

– Уж не знаю, что меня там ждет, но не зря же я проделала весь этот путь. Могу и съездить, и какая разница когда.

Как я и предполагала, Хизер просияла от радости.

– Кое-кто совсем не против!

Я закрыла ноутбук.

– Тогда поехали.

Фелл, Нью-Йорк

Сентябрь 1982

Вив

Она не хотела оставаться в Фелле, но почему-то все равно осталась. Отработала смену в «Вечерней заре», потом еще одну. Дженнис заплатила ей кое-что, после чего Вив нашла недорогую комнату на Гревиль-стрит и соседку по квартире – Дженни. Та работала ночной сиделкой в местном доме престарелых – в те же часы, что и Вив. Вечно уставшая Дженни недавно пережила трудное расставание с парнем и никогда не совала нос в чужие дела. Девушки приходили и уходили, работали по ночам, а днем отсыпались.

– Не понимаю, – сказала однажды вечером Дженни.

Она как раз собралась погладить блузку и, пока утюг нагревался, подкручивала на нем терморегулятор.

– Ты ведь ехала в Нью-Йорк. Почему же тогда осталась здесь?

Вив перевернула очередную страницу журнала *People*, и облокотилась на кухонную стойку.

– Я только матери так сказала, – призналась она. – На самом деле мне совсем туда не хотелось. Просто хотела уехать подальше от дома.

– Это понятно, – отозвалась Дженни.

У нее был красивый пепельный блонд, филированные волосы ниспадали каскадом, как у Хизер Локлир. Лизнув подушечку пальца, Дженни дотронулась им до утюга, чтобы проверить, нагрелся он или нет.

– Но ведь это Фелл, – продолжала девушка. – Никому не хочется здесь жить. Сама посмотри. Люди отсюда бегут.

– Ну, ты же не убежала, – возразила Вив.

– Только потому, что у меня хорошая работа. Но поверь, и я сбегу.

Она вновь лизнула палец и дотронулась до утюга. На этот раз послышалось шипение, и девушка отдернула руку.

– А еще я планирую познакомиться с каким-нибудь богатым красавчиком и при первой же возможности выйти за него замуж. Феминистки говорят, что это ошибка, но, как по мне, ничего лучшего случиться с девушкой просто не может.

– Так просто? Выйдешь замуж, и все?

– А почему нет? – Дженни пожала плечами и, уложив на гладильную доску свою блузку, стала водить по ней утюгом.

Вив не хотела выходить замуж. Нет, она встречалась с мальчиками, целовалась с ними. Даже позволила Мэтью Ридону запустить руку ей в штаны. Но только потому, что это было третье свидание, и он этого ждал. Его пальцы воняли сигаретами, и Вив не очень понравилось. В Иллинойсе она всю жизнь делала лишь то, чего от нее ждали другие, но никогда не делала того, чего хотела сама.

– Неужели тебе не хочется чего-то добиться? Чего-то вы-

дающегося? – спросила она Дженни.

Похоже, соседка не приняла этот вопрос на свой счет:

– Ну если ты и вправду хотела чего-то большего, чего не поехала в Нью-Йорк, ты об этом не думала?

Может, и так. Глупо полагать, что у каждого человека есть какое-то предназначение. Еще глупее думать, что в Фелле стоило задерживаться. Но в Гришэме жила семья Вив, а в Нью-Йорк рвались практически все. Фелл же каким-то удивительным образом словно принадлежал только ей одной.

Вив купила подержанный «кавалер» – свою первую машину. Для этого ей пришлось снять с банковского счета двести долларов, но, вопреки собственным ожиданиям, паники это у нее не вызвало.

В центре города имелся кинотеатр – каморка под названием «Роял», где за доллар показывали фильмы, уже давно сошедшие с экранов нормальных кинотеатров. Иногда перед ночной сменой Вив покупала билет на ранний показ и садилась в полупустом зале. Там она посмотрела «Инопланетянина», «Офицера и джентльмена», а в один особенно памятный вечер – «Полтергейста». В «Знаменитой закусочной Фелла» чуть дальше на той же улице Вив покупала сэндвичи; иногда за пятьдесят центов она брала еще и молочный коктейль – в местечке за углом под названием «Мир молочных коктейлей». Она подстриглась, хотя до этого всегда носила длинные волосы, как и все остальные юные жительницы Гришэма. «Хорошие девочки не стригутся коротко», –

говорила ей мать. Вив обрезала свои русые волосы по плечи и стала приподнимать их и закреплять лаком – на макушке и по бокам.

Она позвонила матери, и та пришла в ярость, даже несмотря на то, что Вив так и не доехала до обители порока. «Деньги я тебе высылать не собираюсь, – отрезала она, – а то потратишь их на наркотики или что похуже. Видимо, пора тебе узнать, что значит быть взрослой. И почему ты не такая, как Дебби?»

Дебби, младшая сестра Вив, была хорошей дочерью. В восемнадцать она хотела стать учительницей; хотела жить в Гришэме, работать в Гришэме, выйти замуж в Гришэме и умереть, скорее всего, тоже в Гришэме. Для нее яростная неугомонность Вив была совершенно за пределами понимания.

– Я взяла дополнительные смены в лавке мороженого, откладываю деньги на колледж, – сказала Дебби по телефону. – А ты, по-моему, совсем спятила.

– Ну, не могут же все быть такими идеальными, как ты, – парировала Вив. – Только папа все равно не вернется. И ему по-прежнему наплевать.

– Какая же ты вредная. Он позвонит. Обязательно позвонит.

– Нет, не позвонит. У него теперь новая жена, и она родит ему новых детей. Я не собираюсь сидеть и ждать, пока жизнь вернется в нормальное русло. И тебе тоже не советую.

Дебби еще что-то говорила в ответ, но Вив уже не слушала. Она отняла от уха телефон и заставила себя повесить трубку, и та, вновь оказавшись в гнезде, щелкнула.

По ночам мир становился другим. Не просто темным, не просто тихим, но другим. Менялись звуки и запахи. Шестая магистраль светилась жутковатым светом, который под бескрайней пустотой неба казался почти зеленым. Вив бросало в дрожь, тело покрывалось противной испариной; сначала ей хотелось есть, потом начинало тошнить. Проработав несколько ночей, она не чувствовала усталости, но временами ей казалось, будто у нее в глазах песок: все расплывалось, в висках стучало. В три ночи – самое худшее время – Вив впадала в странное состояние: она начинала верить, что в мире нет ничего невозможного, будь то призраки, эльфы, путешествия во времени или сюжеты всех эпизодов «Сумеречной зоны», которые ей только доводилось видеть.

В каком-то смысле ей это даже нравилось.

Ночью люди оказывались совсем не такими, как днем. Славные жители Фелла, кем бы они ни были, в три часа утра уже давно спали. Они никогда не встречали тех, кого встречала Вив: парочки, крутившие романы за спинами законных супругов; водители грузовиков, одуревшие от препаратов, которые помогали им не заснуть за рулем; женщины со следами побоев на лице, освобождавшие номера в пять часов утра, чтобы снова вернуться домой – на собственную погребель. Вив Дилейни, дитя американского пригорода, никогда

в жизни не встретила бы таких людей и не стала бы с ними разговаривать. Был в них какой-то нерв, какое-то противоречие, о которых, живя в своем уютном маленьком коконе, она даже не подозревала. Ничего романтического, но что-то в них ее привлекало. Завораживало. Глядя на этих людей, ей не хотелось отводить глаз.

Глубокой ночью «Вечерняя заря» словно оживала. Автомат со жвачкой издавал жужжание; стоявшая рядом машина со льдом время от времени погромыхивала, будто кто-то ее расшатывал. Хоть за окном был только август, в бассейне, в котором не было воды, к тому же огороженном по периметру, уже кружились листья. За стеной гудели трубы, а когда на телефоне, стоящем перед Вив, загоралась одна из кнопок – знак того, что кто-то из постояльцев говорит по телефону, – в глубине аппарата раздавался легкий щелчок, различимый лишь в первозданной тишине ночи.

Пока Вив сидела на ресепшине, то и дело возникал запах зажженной сигареты. Как будто ее только что закурили. Сначала она думала, что его приносит по вентиляции из какого-то номера, и начала проверять отдушины: возле каждой вставала на раскладной стул, закрывала глаза и вдыхала. Но ничего не чувствовала.

Однажды Вив целый час провела под входной дверью, раздувая ноздри в ожидании, что запах вот-вот вернется. И он вернулся. Как ни вертела она головой, пытаясь понять, откуда он исходит, у нее так ничего и не вышло. Но тут тишину

ночи разорвал телефонный звонок.

Подняв трубку, она ответила дрожащим с непривычки голосом: «Мотель “Вечерняя заря”. Чем могу помочь?»

Ничего. Лишь слабый звук дыхания.

Вив положила трубку и еще с минуту разглядывала телефон. Подобное случалось не раз, и она не вполне понимала, что с этим делать. Зачем кому-то звонить в мотель посреди ночи и дышать в трубку?

На следующую ночь она снова стояла под дверью и ждала, когда вернется запах дыма. Спроси ее кто-то, что именно она надеялась найти, Вив не смогла бы ответить. Живого человека? В системе вентиляции? Иллюзию в собственной голове? Она и сама не знала. Однако этот дым ее тревожил. Наводил на нее смутный ужас и в то же время развеивал одиночество. Если бы Вив попросили описать, что она чувствует в такие моменты, она бы, вероятно, сказала, что ей любопытно, в чьей компании ей приходится коротать смены.

В ту ночь ожидание нарушил реальный человек – он зашел через входную дверь и явно ничего не курил. Водитель грузовика, пожелавший немного вздремнуть, прежде чем продолжить путь на юг. Получив от него тридцать долларов, Вив попросила гостя расписаться в регистрационной книге. Следом явился еще один мужчина, тоже одинокий, в костюме и плаще, с чемоданом и портфелем в руках. Он тоже заплатил тридцать долларов и тоже расписался в гостевой книге: «Майкл Эннис». Предупредил, что, возможно, оста-

нется еще на одну ночь, так как ждет звонка с указаниями относительно его дальнейшего маршрута – звонка, который поступит завтра, а может, только через день.

– Любопытно, – рассеянно заметила Вив, доставая из ящика ключ от номера 211.

Она решила поселить мужчину через несколько номеров от водителя грузовика – она всегда давала гостям простор. Ночным постояльцам не нравилось близкое соседство.

Мужчина ничего не ответил. Когда Вив подняла глаза, то обнаружила, что он на нее смотрит. Взгляд его был спокойным и вежливым, и тем не менее пристальным.

– Да не особо, – наконец произнес он в ответ на ее замечание. – Я торговый агент. Еду туда, куда начальство скажет.

Девушка кивнула и отдала ему ключ. Спрашивать, что он продает, не стала – ей не было до этого дела. Мужчина ушел, и она сразу же забыла его лицо.

Следующей ночью Вив применила новую тактику. Она встала возле двери снаружи, прислонившись спиной к стене, и стала ждать, когда вернется запах сигарет. Теперь ей казалось, что дым приносит с улицы, а не по вентиляции, поэтому она переместилась ближе к его предполагаемому источнику. Была чудесная ночь, теплая и тихая; время от времени веял легкий ветерок, приподнимавший ей волосы и обдувавший потную шею.

На этот раз понадобилось совсем немного времени: не больше четверти часа – и свежий сигаретный дым хлынул

ей в ноздри. Бинго. Следуя за запахом, Вив не спеша брела по дорожке, уводившей ее от жилой части мотеля за угол, к пустому бассейну. Дважды она теряла запах и замирала в ожидании, пока он не возвращался. Шла за своей добычей по пятам, стараясь не издавать ни звука.

Подойдя к краю осушенного бассейна, Вив остановилась возле ограждения, которое так и простояло тут целое лето. Оглядевшись в темноте, она никого и ничего не увидела. Запах то исчезал, то вновь появлялся, сводя ее с ума тем, что всякий раз исходил из разных мест.

– Здесь кто-нибудь есть? – крикнула девушка в темноту. Перед ней находился залитый бетоном пустой бассейн, позади него – деревья; далеко по левую руку, за парковкой, тянулось безлюдное шоссе. – Ау!

Ответа не последовало. От страха у нее разве что волосы не встали дыбом. Горло перехватило, и все тело на мгновение захлестнула паника, дикая и тошнотворная. Вцепившись в сетчатое ограждение бассейна, она закрыла глаза, пережидая, пока приступ не пройдет.

В очередной раз она почувствовала запах дыма, а еще – что кто-то прошел у нее за спиной. Пять размеренных шагов. Тяжелая мужская походка. И опять тишина.

У нее оборвалось дыхание, руки заledenели. Там точно кто-то был – или что-то, словно какая-то фигура промелькнула в дверном проеме. Что-то реальное, но точно не человек. Шаги быстро стихли.

Вив доводилось слышать истории о привидениях. А кто их не слышал? Ей и в голову не могло прийти, что она будет стоять вот так, схватившись за сетчатое ограждение и сражаясь с подкатившей тошнотой, сжимать кулаки, пока костяшки не побелеют, в то время как за ее спиной кто-то ходит. Безумие какое-то. Одна из тех историй, что много лет спустя после пережитого рассказывают люди, а их собеседники закатывают глаза, потому что им невдомек, каково это – чувствовать подобный ужас собственным затылком.

В следующее мгновение вывеска мотеля позади Вив погасла. Лампочки испустили печальное шипение, и яркие огни потухли. Девушка оглянулась: буквы в названии «Вечерней зари» уже не светились; висевшие под ним слова «кабельное ТВ!» и «свободные номера» подмигнули в последний раз и тоже погасли. Вив направилась к вывеске, даже толком не понимая, что делает; в груди у нее поднималась паника. Она не знала, где включалось электричество и могли кто-то отключить его специально. За время работы в мотеле ей ни разу не приходилось самой включать или отключать вывеску: первое было задачей вечерних дежурных, второе – утренних. От внезапного исчезновения яркого, хотя и неказистого источника света Вив опомнилась как от сигнала тревоги.

Она завернула за угол и, вскрикнув от неожиданности, остановилась: свет в окнах номеров тоже начал гаснуть. В торце короткого ребра буквы *L*, рядом с номерами 130 и 230,

располагавшимися один над другим, погасли уличные лампочки. Лампочки при входе в номера 129 и 229 то и дело мигали. Казалось, кто-то последовательно нажимает на выключатели, намереваясь полностью погрузить мотель в темноту.

Вив замерла, не в силах ничего предпринять, и лишь с ужасом наблюдала, как в «Вечерней заре» пропадает свет. Последним погасло окно офиса на конце длинного ребра буквы *L*, а вместе с ним и неоновая дверная табличка с надписью «Служебный вход». Перед стоявшей на обочине девушкой словно образовалась черная дыра, из которой не исходило ни малейшего звука – даже шагов, – а вокруг на много миль не было ни единой живой души.

Она хватала охрипшим горлом воздух. Что происходит? Мозг Вив немедленно отринул простые и логичные объяснения, предполагавшие технические неполадки или сбой в подаче электричества; времени было три часа ночи, на Шестой магистрали по-прежнему горели натриевые огни, а она только что слышала за спиной шаги таинственного курильщика. И дело, конечно, было не в проводке – более того, девушка нутром чуяла, что все это только начало.

Потом из мотеля донеслись глухие стуки. Стук. Стук. Вглядевшись в темноту, Вив увидела, как распахивается дверь в один из номеров, затем другая. Они открывались сами по себе, и за ними зияла чернота, манившая девушку внутрь. Зайди сюда. Или сюда. Или сюда...

В панике Вив устремила взгляд на свою машину. Может,

прыгнуть за руль и доехать до ближайшего таксофона? Но куда звонить? Наверное, лучше в полицию. Или можно за-сесть в какой-нибудь круглосуточной закусочной и дож-даться, пока все это закончится. Загвоздка в том, что сумочку с ключами от машины она оставила на ресепшене.

Прохладный ветерок пошевелил ей волосы, и девушка по-ежилась. Теперь двери не хлопали и не открывались; внутри все стихло. С магистрали у нее за спиной тоже не доносилось ни звука.

Ну давай же. Ты сможешь. Просто подойди к двери и толк-ни ее. Сумочка лежит под стойкой, рядом со стулом. От две-ри там четыре шага, а потом нужно только наклониться, за-брать свои вещи, развернуться и уйти.

Усилием воли она заставила себя сдвинуться с места. Под ногами у нее шуршал гравий, и вскоре Вив заметила, что ста-ла неосознанно задирать пятки повыше, чтобы не шуршать так громко. Словно, что бы там ни пряталось в темноте, она сумеет его обмануть. Словно это что-то еще не догадывается о ее существовании.

Но ближе к офису Вив все равно перешла на бег, стараясь не слишком топотать. Всех дел – туда и обратно. Много вре-мени на это не нужно. А потом...

Она зацепилась мыском о бордюр пешеходной дорожки, и над головой у нее что-то грохнуло: это дверь в один из но-меров распахнулась настежь и шарахнула по стене. Вив под-скочила, издав гортанный звук, а потом на верхней террасе

отрывистым стаккато забарабанили шаги: кто-то решительно убегал. Добравшись до короткого ребра буквы L, убежавший спустился на первый этаж и повернул за угол. Ночной воздух пронзил крик – явно детский: «Хочу в бассейн!»

Вив повернула ручку входной двери и нырнула в темноту. Спотыкаясь и шумно хватая ртом воздух, она нагнулась под стойку, где лежала ее сумочка, и нащупала внутри ключи. Она ощутила резь в глазах и через мгновение поняла, что всему причиной сигаретный дым: теперь он висел такой плотной пеленой, будто кто-то курил прямо здесь несколько часов подряд.

Едва нащупав во мраке сумочку, она вцепилась пальцами в темно-фиолетовый коззам и ту же минуту услышала крик. По другую сторону ресепшена мужской голос прямо-таки взвыл.

– Ради бога, вызовите скорую! – Слова прозвучали так близко, словно он кричал ей на ухо. – Кто-нибудь, вызовите скорую!

Вив уронила сумочку, и оттуда со звоном вывалились ключи. Сделав еще один резкий вдох, она подхватила связку, вскочила на ноги и понеслась к двери. Добежав до своего «кавалера», кое-как повернула в замке ключ и быстро забралась в салон. Потом швырнула сумочку на пассажирское сиденье и захлопнула за собой дверь.

Взглянув через лобовое стекло на мотель – по-прежнему обесточенный, – она вставила ключ в замок зажигания, по-

вернула его и вдавила в пол педаль сцепления. Машина не завелась. Вив снова нажала на газ, снова повернула ключ, чувствуя, как из горла рвется панический крик, а по щекам бегут слезы. Опять ничего.

Она подняла глаза и увидела снаружи фигуру женщины. Молодая, лет тридцати, с темно-русыми кудрями, откинутыми со лба и ниспадавшими ей на ключицы; на безупречном овале лица выделялись большие темные глаза. Восприятие Вив обострилось настолько, что она сумела разглядеть женщину во всех подробностях: тонкие плечи, платье с длинным рукавом и большими пурпурными цветами, поясok на талии, завязанный бантом. Она смотрела на Вив сквозь лобовое стекло, и ее глаза... ее глаза...

Вив хотела было закричать, но словно окаменела. Из рта не вырвалось ни звука. Она судорожно вздохнула и с минуту таращилась на незнакомку – глаза в глаза.

Она не могла быть реальной – но Вив же ее видела. Смотрела на нее. Женщина тоже на нее смотрела, и в этом взгляде пылало что-то дьявольское, отчего Вив стало жутко, и больно, и тошно – все вместе.

Она вцепилась в руль, чувствуя, что ее сейчас вырвет.

Внезапно раздался грохот: это женщина принялась барабанить ладонями по капоту. Звук был самым настоящим, очень настойчивым, полным ярости. Но тут незнакомка обхватила себя руками за плечи и пристально уставилась на Вив сквозь лобовое стекло. Ее губы шевелились. Вив не

расслышала голоса — возможно, женщина и не издала ни звука. Но разобрать единственное слово, что она повторяла, оказалось совсем не трудно.

Беги!

Захлебнувшись собственным воплем, она вновь попыталась завести мотор. И вновь безуспешно. Раз за разом Вив поворачивала ключ и давила на сцепление; по щекам у нее бежали слезы, из груди рвался отчаянный крик. Когда она наконец снова решилась поднять глаза, женщины снаружи уже не было; в мотеле было по-прежнему черным-черно, а ночь вокруг казалась еще темнее.

Видимо, двигатель залило бензином. Значит, машина не заведется. Идти Вив было некуда.

Заблокировав двери, она перебралась на заднее сиденье и свернулась калачиком, чтобы больше не видеть, что происходит за стеклом. Словно, если она не будет смотреть, с ней точно ничего не случится. В этой позе она провела целую вечность.

Когда свет в мотеле наконец зажегся и вывеска вновь засияла голубым и желтым, Вив все еще плакала.

Фелл, Нью-Йорк

Ноябрь 2017

Карли

Даже после всех своих изысканий я не вполне понимала, чего ожидать от «Вечерней зари». В Гугле нашлась фотография: мотель выглядел как самая обыкновенная захолустная ночлежка: вывеска, номера в ряд. Было предельно ясно, что ореол значительности этому месту придавали семейная история и моя странная фиксация на ней. Но случайному прохожему – по крайней мере, так я думала вначале – место показалось бы вполне заурядным.

Но в мотеле «Вечерняя заря» не было ничего заурядного. Ступив на гравийную дорожку, я осмотрелась. Здание в форме буквы *L*, двери номеров выходят на пешеходную дорожку под открытым небом. Уже совсем стемнело, и желто-голубая вывеска зазывно помигивала: «КАБЕЛЬНОЕ ТВ! СВОБОДНЫЕ НОМЕРА!» На парковке стояла одна-единственная машина, старенькая «тойота терцел», припаркованная в дальнем углу. Других автомобилей перед мотелем не было – вообще ни малейшего признака жизни.

Хизер вылезла из машины вслед за мной, и некоторое время мы просто стояли вдвоем в полной тишине. На дороге за нашими спинами не было никакого движения. Позади мо-

теля виднелись деревья во мраке, высоко в небе сиял полумесяц. Застегнув молнию до самого горла, я разглядывала это место, не в силах даже пошевелиться. Вдоль пешеходной дорожки шел ряд фонарей, излучавших таинственный свет; в окнах номеров отражалась только пустота. Очевидно, это здание когда-то строили, чтобы принимать временных гостей, но теперь в нем ощущалось такое пронзительное одиночество, что на мгновение мне почудилось, что я стою на кладбище. Или посреди какого-нибудь безлюдного исландского пейзажа.

Судя по молчанию стоявшей рядом Хизер, она чувствовала нечто подобное. Свое пончо она оставила дома и надела вместо него черный пуховик, больше напоминавший парку. Моя соседка по квартире все время мерзла.

– И совсем даже не страшно, – негромко заметила Хизер. – Ни чуточки.

Я нашла взглядом входную дверь, за которой горел свет. Теоретически, кто-то должен был там находиться, но, похоже, мне не очень-то и хотелось это проверять.

– Давай посмотримся, – предложила я.

Мы обошли здание кругом, попутно разглядывая закрытые двери в номера и крытые переходы. Последние оказались совсем старыми, а на дверях по-прежнему были ручки с замочными скважинами; за прошедшие тридцать лет мотель практически не изменился. Позади здания обнаружился пустой бассейн, обтянутый по периметру ветхой сеткой. Здесь

было темнее, чем с противоположной стороны, но даже без дополнительного освещения я могла с уверенностью сказать, что бассейн простоял огороженным уже не один сезон. Бетонные края потрескались и раскрошились, а внутри скопились сухие листья и грязь. Нет, этот бассейн уже лет десять как закрыт и вряд ли теперь когда-нибудь откроется. Я попыталась совладать с ужасом, унять мурашки, ползшие по позвоночнику, и практически заставила себя переключиться на Вив.

Если бы ты и впрямь собралась исчезнуть, то куда бы ты пошла?

Самый очевидный ответ – шоссе. Вив оставила машину на парковке, но, возможно, кто-то просто затолкал ее в свою машину и уехал. Если так оно и было, то передо мной вставал целый ряд вопросов. Как именно неизвестный преступник это провернул? Была ли Вив в тот момент без сознания? В газетах ничего не говорилось о следах крови или борьбы. Может, ее каким-то образом выманили из мотеля? Под предлогом какой-то неотложной ситуации или срочной помощи, которую могла оказать только она? А если так, то планировал ли незнакомец похитить именно Вив или же сделал это по внезапному наитию?

Отойдя от бассейна, я побрела назад к парадной стороне мотеля. Жаль, что я не приехала сюда днем – могла бы более внимательно осмотреть территорию. Скорее всего, днем это место не произвело бы на меня такого странного и жуткого

впечатления.

На самом деле мне повезло, что «Вечерняя заря» почти не изменилась с 1982 года. Если бы мотель снесли и застроили здесь все гигантскими коробками торговых центров, я бы не смогла отследить возможный маршрут передвижений Вив. Может, она не уезжала на машине? Может, убежала?

– Хизер? – позвала я. – А что здесь в окрестностях? Если бы кто-то попытался уйти пешком.

– Дай подумать. – Хизер, оказывается, все это время шла позади меня не отставая. – По-моему, одни леса. Чуть подалее за мотелем, кажется, есть ферма. Но нужно пройти много миль, прежде чем до чего-нибудь добраться.

– А если идти по дороге?

– Если в ту сторону, – Хизер махнула рукой, указывая направление, – то там заправка. Но, опять же, идти надо около мили. Плюс я не уверена, что в восемьдесят втором заправку уже открыли. А там, – теперь Хизер кивнула в сторону Фелла, откуда мы только что приехали, – не доезжая двух миль до Куперсвилла, будет съезд, а за ним несколько старых домов и супермаркет на окраине города.

– Интересно, а можно где-то раздобыть карту восемьдесят второго года?

– Наверное, в городской библиотеке, – предположила Хизер, а потом вдруг добавила: – В том бассейне, кстати, кто-то умер.

Я резко развернулась к ней:

– Что?

– Ну а что. – Ее бледные щеки покраснелись от прохладного ветра, светлые волосы растрепались под заколкой. – Сама подумай, Карли. Готова поспорить на тысячу долларов. Кто-то умер, а потом они вычистили бассейн и огородили его сеткой, чтобы никто туда больше не спускался.

Я сжала губы и задумалась:

– Может, они огородили его потому, что не хотели пускать туда посетителей? В смысле, вообще никого.

– Ну да, конечно, – тут же парировала Хизер. – У них потому и посетителей нет, что в бассейне кто-то умер!

Я открыла было рот, чтобы возразить, но в этот самый момент откуда-то сзади раздался голос:

– Эй! Вам чем-нибудь помочь?

Мы как по команде развернулись и увидели возле входной двери мужчину. Он наблюдал за нами, но ближе не подходил, даже не шагнул на тротуар, тянувшийся вдоль здания. На мужчину сзади падал свет, поэтому разглядеть мы смогли только его фигуру: высокий, мускулистый и, кажется, совсем не старый.

– Простите! – крикнула я. – Мы просто гуляем!

Мужчина тревожно переступил с ноги на ногу.

– Это не самая лучшая идея, – сказал он. – К старому бассейну ходить не разрешается.

– Ясно, – ответила я, стараясь сохранять дружелюбие.

Затем шагнула к нему навстречу, и Хизер двинулась сле-

дом.

Подойдя ближе, мы разглядели его получше: около тридцати, на голове – короткий темный ежик. Одет в белую футболку, фирменный жилет из полиэстра и темные брюки. На жилете слева виднелась желтая надпись: «Вечерняя зоря».

– Вам нужен номер? – спросил мужчина.

– Нет, – ответила я. – Извините, нам просто было любопытно.

Ответ явно его озадачил:

– Любопытно что?

– Мне нравятся старые мотели, – объявила я с чувством. – Такие, знаете, середины века. По-моему, они прикольные. Это что-то вроде хобби.

Мы ступили на тротуар. Мужчина внимательно оглядел сначала меня, потом мою спутницу.

– Никогда не слышал, чтобы у людей были такие увлечения, – заметил он.

Глядя на его униформу, я чувствовала, что мое любопытство только разрастается. Ведь именно здесь Вив работала накануне своего исчезновения. Скорее всего, она когда-то стояла у этой самой двери. Интересно, изменились ли жилеты с восемьдесят второго года? Казалось, что тетя совсем рядом, заглядывает мне через плечо – точно так же, как и раньше, в квартире С, что она сейчас близко-близко – и лишь тонкая временная завеса разделяет нас. А в Фелле она почти не ощущалась.

– Можно взглянуть на ваш офис? – спросила я.

Мужчина совсем растерялся, но Хизер вежливо ему улыбнулась, и он пожал плечами:

– Почему бы и нет.

Офис оказался старым, с темно-коричневыми стенами и широкой, тяжелой стойкой ресепшена. Я с трепетом стала разглядывать обстановку: большой стационарный телефон с пластиковыми кнопками в несколько рядов, журнал в кожаном переплете, куда постояльцы от руки вписывали собственные имена, потрепанное офисное кресло, пальто на крючке в углу. У стола стоял обогреватель с пожелтевшим проводом, судя по виду готовый вот-вот загореться.

– Боже, да что с этим местом такое? – пробормотала я себе под нос.

– Что вы сказали? – переспросил мужчина.

– Ничего, простите, – ответила я с улыбкой. – Давно вы тут работаете?

– Да уже несколько месяцев, наверное.

От моего вопроса мужчина немного стушевался, и взгляд его застыл, словно он потерял к нам всякий интерес.

– И как вам?

– Да как-то не очень. – Он с опаской оглянулся по сторонам, будто кто-то мог его услышать, а потом добавил извиняющимся тоном: – Нормально. Но посетителей совсем немного.

Я попыталась выудить из него еще кое-какую информа-

цию, но с каждым разом сделать это становилось все сложнее. Звали его Оливер. Да, в округе очень тихо. Нет, он понятия не имеет, когда построили мотель. Нет, с момента постройки его ни разу не ремонтировали, но в этом мужчина был уже не так уверен. Пока мы разговаривали, Хизер подошла к входной двери и выглянула через небольшое окошко наружу.

Когда я поняла, что от Оливера больше ничего не добьешься, мы с Хизер поехали обратно в город. Любопытство и волнение быстро сменились разочарованием.

– Сама не понимаю, что творю, – призналась я своей новой подруге. – На что я рассчитывала, когда туда поперлась, когда зашла внутрь? Как это вообще может помочь?

– Ты хотела оказаться поближе к тете, – сказала Хизер так, будто ответ был очевиден. – Хотела узнать, как она жила.

– Ну, это у меня, кажется, получилось. Учитывая, что в том мотеле ничего не изменилось с восемьдесят второго года.

Некоторое время мы сидели в тишине; за окном во мраке тянулась полоса дороги. Хизер закусил губу.

– Что такое? – спросила я.

– Даже не знаю, стоит ли тебе показывать.

– Теперь у тебя нет выхода. Что там?

Она на мгновение замаялась, но потом достала из кармана листок бумаги и развернула его.

«Требуется персонал. Вакансия ночного дежурного на ре-

сепшен. Срочно. Детали сможете уточнить на месте». Далее – номер телефона.

– Да быть того не может! – Я уставилась на объявление, не веря своим глазам. – Это не шутка? Они и вправду ищут человека на тетину должность?

– Странно все это.

– Мягко сказано, – вздохнув, я провела рукой по собранным в хвост волосам. – Но почему мне так хочется согласиться? Я что, сумасшедшая?

– Жутковатая работенка, да? Но вроде и крутая тоже.

Хизер словно озвучила мои собственные мысли, слово в слово. Сидеть по ночам в «Вечерней заре»? Почему бы и нет. Я была из тех людей, кто может заночевать в доме с привидениями, только чтобы посмотреть, что случится. В моем представлении – это идеальный отпуск.

– А что, если меня не примут?

– Ну, кажется, выбор у них небогатый.

У меня заколотилось сердце. Приятное волнение или страх?

– Мы могли бы переписываться по ночам. Если что, – сказала я.

– Возьми у меня перцовый баллончик. Дома есть еще.

– Хизер, но ведь моя родная тетя пропала из этого самого мотеля. Когда работала в ночную смену.

– Да, но это было тридцать пять лет назад. Или ты думаешь, тот, кто это сделал, до сих пор разгуливает по окрест-

ностям? Его, может, и в живых уже нет. А даже если он и жив, то уже старый.

– Я ведь не собиралась здесь задерживаться. Но мне все равно хочется согласиться. И остаться. Почему так?

– Потому что ты – фелльская девчонка. – Хизер подкрепила собственные слова энергичным кивком. – Я это сразу поняла, как тебя увидела.

– До чего же мрачное местечко.

– Некоторым только такие и нравятся. В их характере.

Я повернула возле старого кинотеатра «Роял» с заколоченными окнами. На козырьке у входа по-прежнему висела афиша фильма «Вам письмо».

– Можно поработать пару ночей, а потом уволиться, – размышляла я. – Хоть пару-то ночей я протяну? Буду делать то же, что делала Вив. Побуду в ее шкуре.

– Но ты уже столько сделала, – ответила Хизер. – Неужели на все забьешь и вернешься в колледж? Как-то это неправильно – бросать тетю, так ни в чем и не разобравшись.

Ох, Вив. Как бы я ни боялась, ей пришлось пройти через гораздо худшее. С ней случилось что-то страшное, что-то совершенно дикое, и за все это время никто не понял, что именно. Они так и не нашли ее тело. Настала моя очередь. Сделать для нее хоть что-то.

А значит, выхода у меня не было: придется поработать в «Вечерней заре».

– Ладно. Поработаю у них немного. В конце концов, ну

что такого может случиться?

Фелл, Нью-Йорк

Сентябрь 1982

Вив

Спустя неделю после того, как в «Вечерней заре» погас свет, Вив пришлось вызывать полицию – впервые за все время, что она проработала в мотеле. Пережив ту жуткую ночь, она даже думала уволиться. Собрать вещи и вернуться в Иллинойс. Но что бы она сказала родным? Что увидела привидение и от страха сбежала домой? Ей было двадцать лет. «Если бы с тобой и правда что-то случилось – что тогда?» – говорила мать. Нет, вернуться в старую комнату, а потом и на старую работу продавщицей поп-корна Вив точно не могла.

К тому же ей не давал покоя один вопрос: кем была та женщина в платье с цветами? Ее гнев, ее очевидная тоска нашли живой отклик в душе Вив.

Поэтому она вернулась в «Вечернюю зарю».

В ту ночь она взяла с собой на работу сэндвич – белый хлеб для тостов, колбаса с каплей горчицы, ломтик плавленого сыра. Лучший ночной перекус, какой только может позволить себе человек, зарабатывающий три доллара в час. Обычно этого вполне хватало, но в тот раз Вив захотелось еще чего-нибудь сладкого. Она подумала о торговом автомате.

Он располагался рядом с номером 104 в крошечной камерке за дверью с надписью «Для постояльцев». Кроме него там стояла еще и машина со льдом. Автомат работал, в нем всегда лежали сладости; наверное, их туда загружали днем. Батончики «Сникерс» стоили двадцать центов за штуку, и у Вив в кармане как раз лежали две нужные монетки.

Сняв с крючка пальто, она надела его поверх фирменного жилета, застегнула молнию, вышла на улицу и повернула за угол. Той ночью девушка была в мотеле не одна – там находилось еще несколько человек: женатая пара, направлявшаяся в Северную Каролину к семье; молодой человек, который несколько дней провел за рулем и буквально валился с ног от усталости. А еще мужчина, заселившийся в номер совсем один и без багажа. И все равно Вив почувствовала уже привычный приступ страха, стоило ей только завернуть за угол и увидеть перед собой череду дверей под лампочками на длинной стороне L-образного здания. Некоторые лампы перегорели и теперь лишь скалились в темноте, другие еще отбрасывали на землю тусклые круги света. У Вив непроизвольно напряглись мышцы незащищенной спины: она вспомнила, как в прошлый раз погасла вывеска, как гудение электричества сменилось вдруг тишиной и одна за одной распахнулись двери. А потом звук шагов, голоса, сигаретный дым.

И та женщина.

Беги!

Вив окинула взглядом парковку и здание мотеля. Женщи-

ны нигде не было видно, но ей все равно казалось, будто она чувствует ее присутствие. Может, это все глупости, кто его знает. «Не могу же я ее вот так бросить», – сказала она про себя.

После того случая Вив пошла в канцелярский магазин и купила блокнот и ручку. Поначалу она только обдумывала, что в него записать, время от времени поглядывая на свою покупку, но потом все же решилась. Изложила события той ночи, описала, как выглядела женщина, что говорили голоса. Изложенные на бумаге, мысли Вив стали будто более реальными, осязаемыми. Отныне единственную компанию по ночам ей составлял этот блокнот – ну и еще потрепанный томик «Отеля в Нью-Хэмпшире», который она упорно пыталась читать, хотя и не до конца понимала смысл книги.

Заходя в каморку «Для постояльцев», чтобы купить «Сникерс», девушка как раз раздумывала, не достать ли ей из сумки роман и не взяться ли за него снова. На смену лету пришла ранняя осень, жара уже спала, и по ночам теперь становилось все прохладнее и ветренее. Протиснувшись в крошечное помещение, где едва хватало места одному человеку, она принялась рассматривать витрину торгового автомата.

В это время снаружи на парковку заехал новенький «тандерберд». Из него вышла молодая женщина и, закрыв машину, убрала ключи в сумочку. Вив стала наблюдать за ней из-за двери. Лет под тридцать, бледно-голубые джинсы и белая блузка в мелкий красный горошек. Финальный штрих –

посеребренный ремень и ботильоны. Брюнетка с короткой стрижкой и начесом, челка и пряди на висках уложены назад и зафиксированы лаком. Голубые глаза, темные дуги бровей и чувственный изгиб рта, выдававший упрямство. Она могла бы сойти за сестру Пэт Бенатар: симпатичная, модная, немного бунтарка, но до рок-звезды все-таки не дотягивает.

Женщина направилась не на ресепшен, а сразу к номеру 121 – тому самому, куда Вив чуть раньше поселила одинокого мужчину без багажа. Пригнувшись, она продолжала следить за происходящим из-за двери. Постоялец из 121-го был, кажется, вполне привлекательным, но только старше, под сорок. С чего бы этой молодой женщине встречаться с ним в мотеле? Проститутки, заходившие в «Вечернюю зарю» – в основном изможденные тетки в обтягивающей одежде и с колтунами на голове, – снимали номер на несколько часов и расплачивались мятыми пятерками и десятками. Но эта женщина была совсем другой. Она вполне могла бы жить по соседству с Вив в загородном Гришэме. Вив наблюдала, как незнакомка заносит руку и стучит в дверь – один раз. Ей открыл тот самый мужчина; теперь он был без пальто, босиком, в брюках и рубашке с расстегнутым воротничком. Улыбнувшись женщине, он сказал:

– Здравствуй, Хелен.

Та в ответ качнула бедром и приняла дерзкую позу, но с ее лица не сходила теплая улыбка.

– Здравствуй, Роберт, – ответила она.

Мужчина протянул ей руку:

– Входи.

В этот момент за спиной у Вив проснулась и заурчала машина со льдом, и девушка, подскочив от неожиданности, быстро нырнула обратно в комнатку, опасаясь, что ее заметят. Выудила из кармана монеты, запихнула их в автомат и нагнулась, чтобы забрать свою шоколадку, как вдруг сзади хлопнула дверь и стало темно.

Вив замерла. Она совершенно ничего не видела; поводила перед лицом ладонью – чернота. Вытянув руку, она нащупала перед собой автомат. За ее спиной продолжала щелкать и урчать машина со льдом, словно разговаривая на каком-то древнем языке; в пластиковый контейнер со стуком падали ледяные кубики. Задышавшись, Вив судорожно пыталась найти в темноте выключатель.

Но его нигде не было – только голая стена. Нашупав подушечками пальцев дверной косяк, она отыскивала ручку, повернула ее и толкнула дверь. В просвете показался кусочек парковки, внутрь хлынул сладкий сквозной ветерок – и дверь снова захлопнулась.

– Эй, – сказала Вив дрожащим голосом. Потом чуть громче: – Эй! – Снова нащупав дверную ручку, она схватилась за нее. Но та не поворачивалась.

Машина со льдом резко умолкла, и теперь девушка слышала лишь звук собственного дыхания.

– Эй! – снова позвала она, хотя и сама не понимала, к кому

обращается. Сжав руку в кулак, она стукнула в дверь, гадая, мог ли кто-то из постояльцев ее услышать. И даже если так, захотели бы они выйти из своих номеров, чтобы ей помочь?

Когда Вив стукнула еще раз, какая-то невидимая сила ударила ее в грудь и сильно толкнула назад. Падая, девушка налетела на угол торгового автомата, отчего по всему предплечью тут же разлилась обжигающая боль. Вскинув руки, она попыталась восстановить равновесие.

«Беги!» – сказал голос, больше похожий на принесенный дуновением ветра тихий шепот.

Дверь внезапно распахнулась, с грохотом врезавшись косяком в стену. Потом отлетела назад и еще какое-то время покачивалась туда-суда на сентябрьском ветру.

Вив выскочила на улицу и добежала до парковки. Она жадно хватала ртом воздух, в голове у нее звенела одна-единственная мысль, нараставшая, будто вой сирены: «Это были руки! РУКИ!» Две руки, две ладони, которые легли ей на ребра перед тем, как толкнуть назад.

Вив споткнулась, вцепилась пальцами в колени, чувствуя, что ее вот-вот вырвет от страха. И только тогда, остановившись, она наконец услышала сквозь панический звон в ушах чьи-то крики.

На ресепшене было так же тихо и прибрано, как перед ее уходом. Вив зашла внутрь на подгибающихся ногах и рухнула на стул, а потом дрожащими руками принялась искать то, о чем Дженис упомянула в самую первую рабочую смену.

Вот оно – прилеплено к стене возле ресепшена: листочек бумаги с пометкой «ПОЛИЦЕЙСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ФЕЛЛА». На случай, если кто-то вдруг начнет буянить, сказала Дженис. Они, мол, знают, кто мы такие. Вив сняла телефонную трубку и приготовилась звонить.

На другом конце провода, однако, она услышала не сигнал, а мужской голос:

– Хелен, объясни, что происходит.

Вив замерла.

– Понятия не имею. – Голос женщины был низким, сексуальным и напоминал хороший бренди. – Кто-то ругается на парковке. Двое мужчин. Похожи на дальнобойщиков. Дежурная сказала, что вызовет полицию.

Это же я, подумала Вив. Я это сказала.

– И надолго ты? – спросил мужчина.

– Понятия не имею, – ответила Хелен. – Может, на всю ночь.

Вив притихла, стараясь даже не дышать, и по-прежнему слушала. «Ума не приложу как, но в телефоне звучит голос той самой женщины из 121-го номера», – подумала она, а потом заметила про себя: «Наверное, лучше положить трубку».

– Мне просто хочется, чтобы ты вернулась домой целой и невредимой, – продолжал мужчина. – Я тебя подожду. Не буду ложиться.

– Не лучшая твоя идея, – устало сказала Хелен. – Я тебе

позвоню, когда освобожусь, хорошо?

Они обменялись еще несколькими репликами, а затем распрощались. Вив почувствовала, как к горлу снова подкапывает тошнота. Надо было сразу повесить трубку, корила она себя. Почему же тогда не повесила? Ей вдруг представилось, как она звонит незнакомому мужчине – хотя, конечно, номера она не знала – и говорит: «Ваша жена вам лжет!»

Разумеется, она бы этого не сделала. На всякий случай несколько раз сняла и повесила трубку, чтобы убедиться, что линия свободна, а потом набрала номер полицейского управления.

Ей ответил угрюмый, скучающий мужской голос:

– Полиция Фелла.

– Здравствуйте, – начала Вив. – Я...эм-м... работаю в мотеле «Вечерняя заря». На ресепшене.

– Ага.

– У нас тут на парковке драка. Два водителя. Они... эм-м... дерутся.

Но мужчину это не особо впечатлило.

– Они вооружены? – спросил он.

– Кажется, нет. – неуверенно отозвалась Вив, ненавидя себя за то, что разговаривает, как маленькая девочка, за которую ее, без сомнения, и приняли.

Вспомнив женщину с голосом, похожим на бренди, – и то, с каким достоинством она держалась, по-видимому не прилагая к этому даже усилий, – Вив попыталась изменить соб-

ственный тон, придать ему немного взрослости.

— Оружия я не заметила, — сказала она. — Но они сцепились и вот прямо сейчас избивают друг друга.

— О'кей, — ответил мужчина. — Держитесь от них подальше. Скорее всего, сами разойдутся, но мы на всякий случай кого-нибудь пришлем.

Десять минут спустя драка все еще продолжалась. Постояльцы мотеля прятались по номерам, а Вив караулила у двери и время от времени выглядывала на улицу, покусывая за усенец на большом пальце. У нее дрожали плечи. Затем ей в нос хлынул запах сигаретного дыма. «Пожалуйста, только не сейчас, — взмолилась она про себя, обращаясь к невидимому курильщику, — только не сейчас!»

На парковку беззвучно въехала патрульная машина с включенной мигалкой. Остановилась возле двух грузовиков, припаркованных в глубине, там, где дрались водители; из салона вышел полицейский. Вив облегченно вздохнула, а потом вдруг заметила, что человек в форме какой-то чересчур миниатюрный и худой, с длинными волосами, собранными в хвост.

Женщина.

Вив шагнула на тротуар, чтобы получше ее разглядеть. Женщина-полицейский? Ничего подобного она прежде не видела, разве только в сериале «Кегни и Лейси».

Но сотрудница полиции была настоящей. И, в отличие от героинь сериала, на ней была темно-синяя полицейская фор-

ма и фуражка. А еще – тяжелый ремень с кобурой, дубинкой и рацией, который, впрочем, только подчеркивал линию ее бедер. Походка у нее оказалась твердая и уверенная. На глазах у Вив она направилась к сцепившимся мужчинам и быстро растащила их в разные стороны.

Те сопротивляться не стали. Выглядели они обозленными – один даже сплюнул женщине под ноги, – но драка тем не менее прекратилась и начался допрос. Сотрудница полиции достала блокнот и ручку и принялась как ни в чем не бывало что-то записывать, словно стоявшие перед ней мужчины ничуть ее не пугали. Покончив с расспросами и записями, женщина сняла с пояса рацию и начала в нее говорить. Оба водителя отправились каждый к своему грузовику. Потом тот, что чуть раньше сплюнул, развернулся и плюнул еще раз, рассчитав траекторию таким образом, чтобы плевок приземлился возле пятки женщины, но не задел ее саму. Та, кажется, не обратила на это внимания, а может, ей просто не было до этого дела.

Повернув голову, она заметила Вив, стоявшую на углу у двери. Та, встретившись с полицейской глазами, робко вскинула руку в знак приветствия. Сотрудница полиции кивнула и направилась к ней, а Вив скрылась за офисной дверью.

– Ну и ночка, – сказала женщина, заходя внутрь за ней следом.

Теперь, увидев полицейскую так близко, Вив поняла, что ей нет еще и тридцати; из-под фуражки виднелся аккурат-

ный каштановый хвост. Не красавица, но с высокими скулами и темноглазая; само воплощение уверенности, пусть и выглядит усталой. Вив села за стол и провела рукой по филированным волосам – неожиданно ей стало неловко за свою трехдневную блузку и неказистый фирменный жилет.

– Это точно, – согласилась она.

Но про себя добавила: «Вы и понятия не имеете. Ни малейшего». Сложив руки, девушка спрятала их на коленях. Ребрами она по-прежнему чувствовала невидимые ладони, которые толкнули ее назад. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы дышать ровнее.

Сотрудница полиции отодвинула стул – тот, что стоял у стены рядом с кучей старых, пожелтевших туристических брошюр, – плюхнулась на него и, закинув ногу на ногу, опять достала блокнот.

– Тут говорится, что вызов поступил от некой Вив Дилейни. Это вы?

– Да, мэм.

Женщина бросила на нее удивленный взгляд:

– Дорогуша, я такая же мэм, как и ты сама. Зовут меня Альма Трент. Констебль Трент. Договорились?

– Да, без проблем, констебль Трент, – сказала Вив.

Интересно, почему в присутствии полицейского всегда как-то спокойнее? Видимо, инстинкт. «Но от призраков она тебя защитить не сможет, – напомнила себе девушка, – да и никто не сможет».

Чуть склонив голову набок, констебль Трент внимательно оглядела Вив. Потом спросила:

– Сколько тебе лет?

– Двадцать.

– Угу.

Разговаривала Альма Трент довольно жестко, но в глубине ее глаз таилась доброта. Сама того не заметив, девушка окинула взглядом руки своей собеседницы и не нашла на пальце обручального кольца.

– Сама отсюда? – продолжала констебль Трент.

– А? – Вив снова почувствовала себя душой.

– Отсюда, – женщина начертила в воздухе круг, а потом добавила: – Этот город. Ты местная?

– Нет, мэм. То есть констебль Трент. Я из Иллинойса. – Вив прикрыла на миг глаза. – Простите, у меня язык заплетается. Очень длинная ночь. К тому же я никогда раньше не общалась с сотрудником – то есть с сотрудницей – полиции.

– Вот бы нам побольше таких людей, – заметила констебль Трент не без теплоты в голосе. – Я имею в виду тех, кому за всю жизнь ни разу не приходилось общаться с полицией. А ты, значит, ночная дежурная?

На этот раз слова Вив прозвучали чуть менее идиотски.

– Да, так и есть.

– Смена каждую ночь?

– Да, но раз в неделю у меня выходной.

– Давно тут работаешь?

Вопросы следовали один за другим, напоминая пулеметную очередь, – вероятно, для того, чтобы Вив было проще сосредоточиться. Это сработало.

– Четыре недели, – сказала она, а потом вдруг поняла, что уже и забыла, когда в последний раз смотрела на календарь и проверяла дату. – Может, пять.

– Раньше нас вызывала?

– Нет.

– Значит, в первый раз. – Констебль Трент дружелюбно поддерживала беседу, но сама не сводила с девушки глаз. – А до этого были какие-то проблемы?

– Нет.

Если, конечно, не считать погасшего света, призраков и того невидимого присутствия в камерке с вывеской «Для постояльцев». *Беги!* Вив прочистила горло и попыталась унять дрожь.

– Тут, как правило, довольно тихо, – сказала она.

– Да ладно, – возразила сотрудница полиции. – Нам иногда звонят по поводу местных проституток и наркоторговцев. Видела здесь таких?

Ей что, предлагают донести на хозяйку мотеля? А если та ее уволит? И потом, проститутки и наркоторговцы бывали здесь чуть ли не каждый день. Если Альяма Трент и правда этого не знает, коп из нее неважный.

– Даже не знаю. Мне кажется, это не мое дело.

– Ты, значит, у нас философ. Что ж, тогда в «Вечерней за-

ре» тебе самое место. – Улыбнувшись, женщина откинулась на спинку стула. – Я работаю в ночь, поэтому вызовы обычно поступают мне. Наркодилеры, пьяницы и буяны, драки, домашнее насилие, сбежавшие подростки. В здешних краях такое часто бывает. Если ты проработала тут пять недель, то наверняка уже и сама знаешь.

Вив выпрямила спину. На мгновение все призраки позабылись.

– Вы тоже работаете по ночам? – спросила она. – И как вам?

Альма пожала плечами.

– В нашем управлении я – единственная женщина, поэтому меня всегда отправляют в ночную смену и ничего менять не собираются, – ответила она как ни в чем не бывало. – Хотят, наверное, чтобы я сама уволилась, а я все никак не увольняюсь. На самом деле мне даже нравится работать в ночную смену. По правде говоря, я и не помню уже, как выглядит дневной свет. И не особо-то по нему скучаю.

– А я так привыкла, что уже даже не устаю, – поделилась Вив.

Альма кивнула, а потом добавила:

– Говорят, это вредно для здоровья, но ведь и все остальное не так уж полезно, да? Газировка, сигареты – что угодно. Мол, если у тебя не такая фигура, как у Оливии Ньютон-Джон, то ты что-то делаешь не так. Но лично я в это все не верю. И вообще, мне кажется, это очень познавательно

– время от времени не спать ночью. Чтобы своими глазами увидеть, что происходит в мире, пока все лежат в постели.

– Но ведь можно увидеть и что-нибудь плохое.

– Можно. Определенно. – Альма улыбнулась. – Ты вроде бы хорошая девочка. Тяжело тебе, наверное, приходится в «Вечерней заре»?

– Люди здесь вроде ничего.

По крайней мере, те, что живые. Вив старалась осторожно подбирать слова. Она совсем не знала констебля Трент, но поболтать с другим человеком было приятно – пусть даже и недолго.

– Я ушла из дома, – призналась девушка. – Хотела какое-то время побыть одна.

– Что ж, Фелл – место вполне подходящее. – С этими словами Альма поднялась со стула.

Она уже почти дошла до двери, когда Вив вдруг спросила:

– А кто умер в бассейне?

Замерев на месте, Альма развернулась. Губы ее сжались в жесткую линию.

– Что?

Вив сделала вдох и снова почувствовала запах дыма. *Ради бога, вызовите скорую!* Голос прозвучал в этой комнате, в двух шагах от нее. Альма Трент просто обязана была что-то знать.

– Кто-то умер в бассейне, да? Чей-то ребенок?

– Где ты об этом слышала? – Голос женщины стал стро-

гим, настороженным.

Через силу Вив пожала плечами:

– Да так, ходят слухи.

Альма буравила ее взглядом, и на долгое мгновение воцарилась тишина. Наконец она сказала:

– Не стоит верить всему, что слышишь. Но это правда: два года назад в бассейне погиб мальчик. Ударился головой об угол, потерял сознание и так и не пришел в себя. Только не совсем понимаю, где ты могла об этом услышать. Дженис никогда не болтает об этом, а Генри физически не мог ничего рассказать.

– Генри?

– Мужчина, который работал здесь до тебя. Это он нашел мальчика. Через полгода с ним случился сердечный приступ. – Альма указала на то самое место, где сидела Вив. – Тоже сидел за этим столом.

Вив умолкла. Ей казалось, что ее вот-вот вывернет.

– Когда-нибудь ты мне расскажешь, откуда все узнала. Здесь случались вещи и похуже. Но что-то мне подсказывает, что ты уже в курсе этого.

Девушка кивнула.

– Доброй ночи, Вивиан Дилейни, – попрощалась Альма. – Позвони мне, если будет что-то нужно.

Фелл, Нью-Йорк

Ноябрь 2017

Карли

Они меня наняли. Видимо, желающих было немного – а может, и вообще никого. Но нашлась я, и четыре дня спустя, ровно в одиннадцать часов вечера я уже сидела в офисе «Вечерней зари» вместе с унылым мужчиной по имени Крис, который обучал меня работе ночного портье. На вид лет пятидесяти, он был сыном самых первых владельцев мотеля. Носил голубую фланелевую рубашку в клеточку и джинсы с высокой посадкой и производил впечатление самого несчастного человека из всех, что я когда-либо встречала, – включая даже моих бывших одноклассников из средней школы. От него прямо-таки веяло страданием.

– Ключи – здесь, – бубнил Крис, выдвигая ящик стола. – Мы так и не перешли на электронные карточки – слишком дорого. К тому же в мотеле всегда были проблемы с электроникой. Одно время мы пытались ввести систему онлайн-бронирования, но программа никак не хотела работать, а потом компьютер вообще перестал включаться. Так что все записи у нас по-прежнему в гостевом журнале.

С этими словами он показал на толстенную книгу в кожаном переплете, которая лежала на столе.

– Ясно, – ответила я.

По сравнению с этим моя предыдущая работа в качестве бариста теперь казалась апогеем высоких технологий.

– Значит, и связь тут у вас тоже стационарная? – Я махнула рукой на старый телефон.

Крис кинул на него беглый взгляд.

– Можно пользоваться мобильным, если поймаете сигнал. Своего вай-фая у нас нет, но в хорошую погоду иногда получается перехватить у местных. Повторяю, с электроникой здесь проблемы. К тому же вай-фай и денег стоит. Каждый день в полдень приходит Нэнси и убирается в номерах, но вы с ней встречаться не будете. Грязное белье мы складываем в корзину в подсобке. Раз в неделю его забирают и привозят чистое – строго в дневные часы. Так что это тоже будет без вашего участия.

Я тем не менее никак не хотела переключать внимание с проблемы связи:

– Значит, интернета нет? То есть совсем?

Мужчина взглянул на меня с презрением:

– Для вашего поколения это целая проблема, да? Небось надеялись, что будете весь день сидеть в Твиттере, а потом получать за это денежки?

Я соорудила самое бесстрастное лицо, на какое только была способна, и сказала:

– Ага. Моя главная мечта в жизни – сидеть на ресепшне в мотеле, читать Твиттер и получать за это минимальную за-

работную плату. Что может быть лучше? Ну а когда амбиции зашкаливают, я переключаюсь на Фейсбук.

– Эта страна катится под откос, – проворчал Крис.

– А вот и нет. Она катится в адскую преисподнюю.

– Как угодно. На работе будете носить вот это. – Он вручил мне темно-синий жилет с логотипом мотеля на груди. – По правде говоря, я не смогу проверить, носите вы его или нет, но такие здесь правила. Мы собирались обновить дизайн, но...

– Дизайн стоит денег, – закончила за него я.

Потом улыбнулась, но мужчина в ответ лишь еще сильнее насупился.

– Моим родителям это место досталось почти даром. Отец выкупил участок у одного старого фермера и построил мотель – по дешевке. Он думал, что основным вложением будет земля, а вся прибыль с мотеля уйдет на оплату налогов. Наверное, они хотели дождаться, когда цена поднимется. – Крис вздохнул: – Но она так и не поднялась, потому что власти передумали строить парк развлечений. Родители умерли, и это место теперь мое. Я и сам пытался его продать где-то в начале нулевых, но покупателей не нашлось. Так что вот. Доходы – всего несколько тысяч долларов в год, но лучше уж так, чем платить риелтору за его продажу.

Взяв в руки жилет, я почувствовала между пальцами его плотную синтетическую текстуру.

– Как же вы тогда зарабатываете?

– Продаю автомобильную страховку. Всю жизнь продавал. «Стейтлайн авто» – тут, у нас в городе. Позвоните, если понадобится застраховать машину. – Он устало осмотрелся. – По правде говоря, я это место терпеть не могу. Прихожу только в самом крайнем случае. Столько воспоминаний – и все плохие.

Я хотела узнать у Криса, что именно он имеет в виду, но выражение его лица стало вдруг непроницаемым. Поэтому я спросила:

– Если вы пытаетесь сэкономить, зачем вообще нанимать ночного дежурного?

– Мы как-то раз попробовали обходиться без него – еще в девяностых, но, если честно, мотель быстро захватили проститутки. Они оставались тут на всю ночь, портили мебель, которую мне потом приходилось чинить за свой счет, и просто убегали, не заплатив за номер. Не поверите, но доходы только упали. Оказалось, если на ресепшнере есть хоть кто-то, люди ведут себя приличнее – пусть и ненамного.

Указав на доску с прикрепленным к ней листочком, он добавил:

– Будет нужно, звоните в полицию. Но большинство людей – просто придурки. Если их одернуть, они остановятся. Никогда не было такого, чтобы кто-то проявил агрессию к ночному дежурному.

– Ну, кроме того случая, когда один из них пропал, – заметила я.

Крис мгновенно перевел на меня взгляд и моргнул:

– Что?

– Я про ту девушку, которая пропала в восемьдесят втором.

– Как вы об этом узнали?!

– В газетах писали, – ответила я, даже почти не соврав.

– Боже мой.

Крис провел рукой по редющим волосам. Казалось, он был в ужасе.

– Никому об этом не говорите, хорошо? Я уж думал, все забыли. Дело было при моих родителях. Вы тогда еще даже не родились.

– Вы ее знали? – спросила я.

– Я был еще ребенком, так что нет.

– Как думаете, что с ней случилось?

– Да кто ж его знает? Этой истории сто лет в обед. Пожалуйста, никому не говорите. У нас и без того мало постояльцев.

На этом допрос Криса об исчезновении моей тети пришлось закончить. Ноль очков в пользу Нэнси Дрю².

Когда он ушел, я сбросила полиэстровый жилет на стул и принялась за работу. Начала со стола и перерыла все ящики. За исключением того, где хранились ключи: каждый крепился к металлическому кольцу с кожаным ярлычком, на котором был выдавлен номер – ничего интересного.

² Героиня одноименного сериала, детектив-любитель.

Затем я стала рассматривать рабочую поверхность. Стол из древесной плиты, столешница под натуральный камень, сверху на ней – пресс-папье, карандаши, ручки и старый телефон с большими квадратными кнопками вдоль основания, позволявшими переключаться между разными линиями. Ни одна из них в тот момент не горела. С краю на столе покоился здоровенный гостевой журнал в кожаной обложке. Я уже занесла над ним руку, но в последний момент все-таки передумала.

Время вдруг сместилось, завернулось вовнутрь, и на одну шальную минуту мне показалось, что между настоящим и 1982 годом нет никакого промежутка. Вот за этим самым столом когда-то сидела Вив Дилейни; этим самым телефоном она когда-то пользовалась. Не исключено, что и этот голубой полиэстеровый жилет тоже когда-то принадлежал ей. Она сидела на том же стуле, смотрела на ту же доску с номером полиции на прищипленной к ней карточке. Так какой же сейчас год, спросила я себя помимо воли. 1982-й или 2017-й? И есть ли между ними хоть какая-то разница?

Схватив гостевой журнал, я открыла последнюю заполненную страницу. В тот вечер в мотеле было занято четыре номера; среди постояльцев значилось двое мужчин, супружеская пара и одна женщина. Имена ни о чем мне не говорили. Отыскав в ящике старый блокнот и ручку, я все переписала, а потом достала свой телефон. Уже зная, что на сигнал в мотеле рассчитывать не стоит, я накинула пальто

и выскользнула на улицу, где сначала долго расхаживала по тротуару, а затем и по парковке, регулярно проверяя экран телефона в надежде поймать хоть какую-то сеть.

Когда я подошла к вывеске «СВОБОДНЫЕ НОМЕРА! КАБЕЛЬНОЕ ТВ!», на экране наконец-то загорелся индикатор сигнала. Я сразу кинулась в Гугл проверять фамилии из своего списка, но в итоге даже страница с результатами поиска так и не загрузилась до конца. Связь была никакущая.

Спрятав листок с фамилиями в карман, я написала Хизер сообщение, зная наверняка, что та еще не ложилась. Последние две ночи мы с ней провели почти без сна – смотрели фильмы и готовились к моей первой ночной смене в мотеле.

«Ни архива, ни компьютера, ни интернета. Начальник вообще запретил с кем-то говорить про Вив. Что-то пока одни провалы», – написала я.

Ответ пришел моментально: «Карли, сейчас еще только 23:30».

Она была права, конечно. Изначально план был такой: отработать пару-тройку ночей, узнать все, что получится, и быстренько оттуда уволиться. Пока что времени вполне хватало. «Буду копать дальше», – отписалась я и спрятала телефон в карман: связь опять пропала.

Внезапно мою шею обдало ветром, после чего над головой раздалось странное электрическое жужжание, исходившее, по-видимому, от вывески. Решив держаться от нее подальше, я двинулась к парковке, попутно разглядывая мо-

тель снаружи. Если не считать двух номеров, в которых за раздвинутыми шторами горели лампы, здание погрузилось в темноту. Мотель будто спал, окутанный мраком, и все же над ним витала какая-то зловещая аура, которую я почувствовала еще во время первого визита. Потерев руки, чтобы согреться, я задумалась о том, что буду делать здесь следующие семь с половиной часов. И во что я только ввязалась?

Вдруг на втором этаже распахнулась дверь одного из незабятых номеров, будто приглашая меня в таинственную темноту.

Я прищурилась. В эту комнату точно никто не заселялся, да и на порог никто не вышел. Тем не менее дверь каким-то образом открылась сама и теперь легонько постукивала о стену, покачиваясь на ветру. Наверное, замок сломался или дверная ручка. Я миновала парковку и стала подниматься по лестнице, кутаясь на ходу в пальто, так как со второго этажа на меня повеяло холодом. Поздняя осень в штате Нью-Йорк – это не шуточки. Мне уже покалывало уши, да и начинало течь из носа.

Подойдя к двери в номер 218, я прикрыла ее снаружи. Затем повернула ручку и обнаружила, что дверь не заперта. Нужного ключа у меня с собой не было, тогда я опять ее открыла, нашла в ручке с внутренней стороны защелку, опустила ее и снова захлопнула дверь.

Но тут открылась еще одна дверь, на сей раз номера 216. Я слышала, как она заскрипела, но потом стало тихо. Спустя

несколько секунд подул ветер, и дверь застонала, раскачиваясь на сквозняке.

«Что-то здесь нечисто», – невольно подумала я.

Но я все равно подошла, схватилась за ручку и еще где-то с минуту пыталась разглядеть номер внутри. В темноте угадывались кровать, тумба, телевизор и дверь в ванную. Вот, собственно, и все. Опустив с другой стороны защелку, я потянула дверь на себя – на этот раз до упора, чтобы уж точно закрылась. Но она тем не менее снова открылась, хотя защелку я не поднимала. Ухватившись за ручку, я захлопнула дверь опять – на этот раз с силой. Прошло всего секунд десять, и та в очередной раз со скрипом распахнулась.

Изнутри послышалось какое-то движение, будто в комнате кто-то был. Затем – шуршание ткани. Мягкая поступь шагов. Аромат цветочного парфюма.

– Эй! – позвала я, вытянув вперед руку.

Дотронуться до двери я, впрочем, не успела – та захлопнулась перед моим носом, да еще с такой силой, что дверная коробка чуть не треснула.

У меня перехватило дыхание. Руку я так и не отпустила, и пальцы на ветру слегка онемели. Мое лицо обдал холодный ветер, скользнул по шее. Мысли путались.

Я стояла, застыв на месте, как вдруг чуть дальше раскрылась дверь, теперь в номере 210. У меня сдавило в груди. Усилием воли я заставила себя сделать несколько шагов, но врезалась спиной в перила. Позвоночник пронзила тупая

боль. Руки у меня уже заledenели, я попыталась кое-как развернуться, отойти. В этот момент слышались тяжелые шаги.

Из 210 номера в коридор вышел мужчина. На вид он был лишь немногим старше меня – максимум на пару лет. Коротко стриженные каштановые волосы. Поношенные джинсы и старая темно-серая футболка. Щетина на подбородке. Ярко-голубые глаза. Взъерошенная прическа, словно он только что проснулся.

Я смотрела на него в полной растерянности. Мужчина был самым настоящим, но я же видела гостевой журнал – его здесь быть не должно. Номер 210 числился свободным. То есть я понятия не имела, кто это такой.

– Эй! – он говорил таким тоном, будто я зашла туда, где мне быть не полагалось. – Ты кто, блин, такая?

Я выдохнула, и воздух из моих легких превратился на холоде в пар.

– Э-э-э... Я просто...

– Просто ломишься в двери посреди ночи, – продолжил мужчина за меня. – Я тут вообще-то спать пытаюсь.

Но ведь дверями хлопала не я. По крайней мере, мне так казалось.

– Это вас тут быть не должно, – я указала на дверь позади него и уточнила: – В этом номере.

Незнакомец нахмурился:

– Ты о чем вообще?

– Я звоню в полицию.

Меня приятно удивила уверенность в собственном голосе, учитывая, насколько мне в тот момент было страшно. Только тут я вспомнила, что баллончик остался лежать в моей сумочке на ресепшене. Усилием воли я вновь заставила себя сдвинуться с места и развернулась, чтобы уйти.

– погоди! – крикнул мне вслед мужчина. – Я тут ночую. Все как полагается. У меня и ключ есть.

Послышалось звяканье, и, повернувшись, я увидела в его руках уже знакомый кожаный ярлычок и висевший на нем ключ.

После короткой паузы я спросила:

– Как вас зовут?

– Ник Харкнесс.

– Вас нет в гостевом журнале.

– Я не расписывался в журнале. Но в остальном все по правилам. – Убрав ключ, он полез в задний карман. – Хочешь проверить? Вот.

Достав бумажник, он бросил его мне, и тот грохнулся на бетонный пол.

– Там все мои документы, – сказал мужчина. – Извини, не хотел тебя пугать.

Я замялась. Стоит мне нагнуться и поднимать бумажник? Всем известно, что серийные убийцы нападают как раз в тот момент, когда ты беззащитна. Пододвинув бумажник поближе к себе мыском ноги, я схватила его так быстро, как

только могла. Мужчина не соврал: внутри и правда лежало его удостоверение личности. А еще 60 долларов.

– Ладно, – сказала я, обращаясь в основном к самой себе.

Потом прикрыла глаза и потерла под очками переносицу.

Чуть погодя, добавила:

– Хорошо. Ладно. Все в порядке. Все под контролем.

Ник Харкнесс наблюдал за мной все это время, но не шевелился.

– Ты как? – спросил он.

– Нормально. Все отлично. Я – ночная дежурная.

Ник недоуменно моргнул холодными голубыми глазами. Только тут я вспомнила, что на мне пальто, а фирменный голубой жилет я так и не надела.

– Ты – ночная дежурная, – повторил Ник, и это был не вопрос.

– Да, именно. Прошу прощения за шум. Я не знала, что вы спите.

– А сообразить, что если долбить в двери посреди ночи, то обязательно кто-то проснется, ты не могла.

Голос мужчины был полон сарказма, и мне тут же захотелось метнуть его дурацкий бумажник ему в голову. Не знаю, кто там хлопал дверями, идиот ты несчастный, – у меня и без тебя выдалась не лучшая ночь. Но чем дольше я смотрела на Ника, стоявшего на ноябрьском холоде в одной футболке, тем меньше мне хотелось на него злиться. Это все его лицо. Красивое лицо. Уставшее, будто этой ночью, как и мне

самой, ему не довелось толком поспать.

– Не обязательно быть таким козлом, – сказала я. – Я ведь просто делаю свою работу.

На подбородке у Ника дрогнул мускул, и он отвел взгляд. Я продолжала:

– Двери. Вы... эм-м... не замечали с ними никаких проблем?

Мужчина ничего не ответил, и я добавила:

– Мне кажется, они открывались и закрывались сами по себе... Это было очень странно.

Мои слова прозвучали одновременно и глупо, и жалко, но Ник, похоже, не обратил на это внимания. Он все так же смотрел в сторону, потом рассеянно почесал живот. От этого движения его футболка задралась, обнажив его на редкость упругий живот.

– Боже мой, – сказал Ник, обращаясь, кажется, к самому себе.

– Ладно, – ответила я. – Вы спали. Вот ваш кошелек. Я ухожу.

– Ты новенькая, что ли?

Я протянула ему бумажник, но он его так и не забрал.

– Типа того.

Да так оно и есть.

– Ты новенькая, – повторил Ник. Потом отнял руку от живота, из-за чего футболка, к сожалению, вернулась на место, и продолжил:

– Вот уж не думал, что они и вправду кого-то найдут. Последний дежурный уволился несколько недель назад, а Крис здесь почти не появляется. Я был уверен, что они отказались от этой затеи.

– Это временно. По крайней мере, я так думаю. А вы... вы живете тут уже несколько недель?

– У нас с Крисом договоренность.

– Какая?

Ник сверкнул глазами – у него это хорошо получалось – и сказал:

– Договоренность, согласно которой я живу здесь и вызываю полицию, если возникают проблемы, а он меня не трогает. Достаточно подробно объяснил?

Боже мой! На этот раз бумажник бросила я – точно так же, как раньше это сделал Ник, – и тот упал между нами на пол.

– Ну, могли бы сразу сказать, вместо того чтобы пугать меня до смерти, – заметила я. – Было бы мило. Теперь понятно, почему вы живете тут совсем один. Доброй ночи.

Я развернулась и пошла прочь, но мужчина крикнул мне вслед:

– Вот тебе совет, новенькая дежурная. В следующий раз, когда тебе будет казаться, что здесь стучат двери, не поднимайся и не пытайся их чинить. Сиди у себя и никуда не ходи. Да и вообще, лучше не высывайся, что бы ни случилось. Просто закрой дверь и жди окончания смены. Поняла?

Я повернулась к нему, чтобы сказать, что он – грубиян,

что я не заслуживаю такого отношения и что ему не стоит так обращаться с другими людьми. Но в это мгновение я сквозь открытую дверь увидела его номер изнутри, и слова застряли у меня в горле. Я просто стояла и таращила глаза.

Ник не обратил на это внимания.

– Ладно, – сказал он. – Иди уж.

Я снова развернулась и направилась к лестнице, сжимая онемевшей рукой перила, чтобы не споткнуться. Глаза слезились на ветру, пульс стучал как безумный.

Пока я шла, у меня в голове крутились всего две мысли.

Во-первых, он знал про двери. Точно знал.

Во-вторых, в его номере я увидела кровать, телевизор и зажженную лампу. Кровать была застелена, но на подушке остался отпечаток, словно он только что лежал на ней головой. А на прикроватной тумбочке в свете лампы поблескивал пистолет. Так, словно кто-то только-только положил его туда. А до этого держал в руке, прежде чем открыть дверь.

Фелл, Нью-Йорк

Ноябрь 2017

Карли

– Погоди. Не так быстро, – сказала Хизер. – Ну-ка повтори последнюю часть.

Я откусила кусок тоста с арахисовым маслом. Дело было на следующий день после того, как я вернулась со своей первой ночной смены в «Вечерней заре» и проспала девять часов подряд как убитая. Теперь я сидела в пижамных штанах и любимой футболке нежно-голубого цвета, на которой спереди было написано: «НА ЗАВТРАК ЛУЧШЕ ЕСТЬ ТОРТ». Мне бы хотелось последовать этому совету, но было пять часов вечера, и ничего кроме тостов на кухне не нашлось.

– Знаю, – ответила я. – Может, он из полиции или что-то в этом роде.

– Карли, – Хизер сверкнула глазами, чем-то напомнив мне Ника.

На ней было ее неизменное черное пончо. Мы сидели друг напротив друга за маленьким кухонным столом; глядя в экран ноутбука, Хизер пыталась – без особого энтузиазма – написать эссе, до сдачи которого оставалось еще целых шесть дней.

– Ни один полицейский не будет жить в «Вечерней за-

ре» несколько недель подряд. Мертвые девочки, помнишь? А нам нужно, чтобы ты не оказалась в их числе. Поэтому мужчин с оружием надо сторониться в первую очередь. Лучше бы ты пшикнула ему в лицо баллончиком.

– Думаю, он не собирался меня обижать, – возразила я. – Баллончик был ни к чему. Я сделала все, как он сказал: вернулась на ресепшен и просидела там до конца смены.

– Прямо всю ночь?

Я бросила на тарелку хлебную корочку. Мне не очень хотелось признавать, что после всей этой истории я была слишком напугана, чтобы куда-то выходить. Двери, шуршащая ткань и запах парфюма, Ник Харкнесс... все это вместе было уже чересчур. Меня обуял страх, безотчетный и невыразимый; казалось, что-то должно было вот-вот случиться, но я никак не могла понять, что именно. Такое пронзительное и грустное чувство – ничего подобного я раньше не испытывала.

– В шкафу в офисе нашелся старый компьютер. Часа три я с ним провозилась, пыталась запустить. Потом еще трижды отвечала на телефонные звонки. В первый раз ошиблись номером, а во второй и третий – кто-то просто молчал и дышал в трубку. – Я подняла глаза на Хизер, а потом добавила: – За окном 2017-й, кому такое вообще могло прийти в голову?

Хизер поморщилась:

– Кому-то не особо хорошему. А что в итоге с компьютером? Удалось запустить?

В ответ я лишь покачала головой и отпила кофе из чашки. Было непривычно завтракать, когда все остальные люди уже садились ужинать, но мне это даже нравилось.

– По словам владельца, Криса, они однажды пробовали установить компьютерную программу, но там какая-то проблема с электроникой. Монитор-то я подсоединила, но он так и не включился. А потом я нашла под полкой старый томик «Воспламеняющей взглядом» и читала его, пока смена не закончилась.

– Хм-м, – протянула Хизер, стуча пальцами по клавиатуре. – Может, сегодня будет повеселее.

Я взглянула на нее через стол:

– Ты вообще меня слушала? Когда я говорила о дверях, которые открывались сами по себе? Несколько дверей?

– Ну я же тебе сразу сказала: в мотеле водятся призраки, – отозвалась Хизер как ни в чем не бывало. – Видимо, слухи правдивые. Думаешь, сколько людей погибло в таких вот местах? Готова поспорить, что целая куча. Как тот человек, который умер в бассейне.

– У нас нет никаких доказательств того, что в бассейне действительно кто-то умер.

– Я права. Вот увидишь.

Сняв очки, я положила их на стол. Потом медленно потерла глаза, слегка надавливая подушечками пальцев на глазные яблоки. Мир расплывался – как же это приятно, когда не нужно вникать в детали.

Сегодня вечером мне придется вернуться. Не могла же я допустить, чтобы меня отпугнуло несколько открывающихся дверей. Нужно было думать о Вив – о том, что последние тридцать пять лет она, вероятно, пролежала в какой-нибудь безымянной могиле, и никто даже не мог навестить ее. В «Вечерней заре» скрывались ответы на мои вопросы – я это чувствовала.

Нет, никакие ужасы, никакая скука меня не остановят. Я немного поспала. У меня все получится.

– Если тот парень и вправду из полиции, может, он захочет мне помочь, – сказала я.

У меня никак не получалось выкинуть из головы Ника Харкнесса. Его ледяные синие глаза. Никогда не встречала парней с такими глазами.

– Он совершенно точно не из полиции, – ответила Хизер.

Всплеснув руками, я посмотрела на нее. Пока я не надела очки, девушка представляла собой размытое светлое пятно.

– Откуда такая уверенность? – поинтересовалась я.

– Я его загуглила, – отозвалась она и повернула ноутбук так, чтобы мне было видно экран. – Он родился в Фелле. Только больше здесь не живет, потому что пятнадцать лет назад его отец застрелил его брата. После того как отца посадили, Ник уехал из города.

Когда в одиннадцать часов вечера я пришла на работу, на ресепшене было пусто. Свет горел, дверь была не заперта, но внутри никого. Казалось, мой предшественник вышел

на минутку, но на крючке в углу не висело никакой верхней одежды, а перед входом не стояло ни одной машины. Единственный автомобиль на парковке – мой, плюс еще грузовик, который я запомнила еще с прошлого вечера. Теперь было ясно, что он принадлежал Нику Харкнессу.

Я сняла сумку и сбросила с плеч пальто.

– Здесь кто-нибудь есть? – крикнула я в тишину.

Ответа не последовало. Но я почувствовала запах сигаретного дыма – возможно, дежурный, которого я сменяла, вышел куда-нибудь покурить. Но снаружи я никого не заметила. Высунувшись на улицу, я повертела головой и снова позвала:

– Ау!

В нос мне опять ударил сигаретный дым, и ответа я так и не получила.

Я вернулась на свое место и подошла к столу. Проверила гостевой журнал: в мое отсутствие заселился некий Джеймс Марч. С прошлой ночи он оказался единственным новым постояльцем. Рядом с именем значился номер его комнаты – 103. То есть чуть дальше по коридору. Может, этот Джеймс Марч как раз и был тем самым курильщиком – хотя на входной двери висела пожелтевшая табличка: «Курение в мотеле запрещено».

Усевшись за стол, я достала из сумки пачку распечаток. Перед уходом на работу я несколько часов просидела за компьютером, переводя ценную краску в маленьком принтере

Хизер. Моя коллекция пополнилась кое-какими статьями о Фелле – немногими, которые удалось разыскать еще до поездки. К ним я добавила заметки про Ника Харкнесса. Их оказалась целая куча.

Если верить журналистам, Нику было двадцать девять лет. Мать он потерял еще в детстве – та погибла во время купания – и жил вместе со своим отцом и старшим братом Илаем. Отец работал юристом, в Фелле его хорошо знали.

«Он стал совершенно непредсказуемым, – вспоминал позже партнер Мартина Харкнесса по адвокатской фирме. – Часто злился, бывал забывчивым. Мы понятия не имели, что происходит, – он стал совсем другим человеком. Не представляю, чем можно было ему помочь».

Однажды Мартин вернулся домой с пистолетом. Илай в тот момент был в гостиной, четырнадцатилетний Ник играл в видеоигры на втором этаже. Судя по тому, что смогла установить полиция, Мартин с близкого расстояния дважды выстрелил старшему сыну в грудь. У себя в комнате Ник открыл дверь на французский балкон, спустился по нему вниз и побежал за помощью к соседям.

На вопрос, почему он вдруг решил убежать, юноша ответил: «Я услышал выстрелы и крик Илая, а потом папины шаги на лестнице».

Прибывшие на место полицейские обнаружили на полу в гостиной Харкнессов труп семнадцатилетнего Илая, а также самого Мартина на кухне – он пил воду, положив пистолет

рядом с собой на кухонную стойку. «А где Ник?» – спросил он.

Поскольку Мартина в городе все знали, местная пресса будто обезумела: «У ИЗВЕСТНОГО ЮРИСТА СДАЛИ НЕРВЫ», «ПОЧЕМУ ОН УБИЛ СОБСТВЕННОГО СЫНА?» Никто ничего не понимал. «Мне надо было с этим покончить, – только и сказал Мартин в свое оправдание. – Мне надо было со всем этим покончить». На суде он признал вину, так и не раскрыв никакой новой информации о содеянном. Через пару недель пресса о нем уже забыла.

Вновь перечитав все заметки, я принялась рассматривать фотографии. Среди них был школьный снимок четырнадцатилетнего Ника с уже знакомыми мне голубыми глазами и острыми скулами. «Единственный оставшийся в живых сын Харкнессов» – гласила подпись. Несколько лет Ник прожил в городе с родственниками, потом, когда ему исполнилось восемнадцать, уехал. Зачем же теперь он вернулся в Фелл? И почему решил поселиться в «Вечерней заре» совсем один? Что он там делал? Чего хотел?

Вдруг свет мигнул, затем погас и снова включился; флуоресцентные лампочки над моей головой зажужжали, словно вот-вот перегорят. Я поднялась из-за стола и, подойдя к двери, взглянула в окошко на мотельную вывеску. Та по-прежнему светилась, потом вдруг мигнула, после чего снова стала гореть ровно.

Вот черт. Неужели какая-то проблема с электричеством?

Схватив пальто, я накинула его на плечи, толкнула дверь и вышла наружу. Позади меня освещение снова погасло на секунду, будто в грозу, хотя погода стояла холодная и безветренная. Из коридора послышался ритмичный скрежет – металлический стук, источник которого я не могла определить. Он был механическим и сопровождался пронзительным жужжанием. Пройдя несколько шагов, я поняла, что шум доносится из-за двери с надписью «Для постояльцев». Наверное, из-за проблем с электричеством сломалась машина со льдом.

Ветер хлестнул меня по лицу, и я поплотнее запахнула пальто. Снова сигаретный дым, а потом что-то вдруг пронеслось мимо – нет, даже коснулось меня, заставило на миг остановиться. В зияющей, черной пустоте раздался мужской голос: «Чертова сука!»

Я в ужасе отступила. Чертова сука. Я это слышала – на самом деле! Из рта у меня вырвался невольный всхлип; я развернулась и посмотрела на мотель.

Освещение стало пропадать. В дальнем коридоре одна за другой гасли лампочки. Мрак все сгущался, тяжелел. «Наверное, пробки перегорели», – попыталась я себя успокоить, хотя на самом деле даже понятия не имела, как эти самые пробки выглядят. Между тем чернота уже накрыла один корпус целиком и теперь расползалась по второму, заглатывая коридор по кусочкам, пока не достигла входной двери. Свет над ней тоже погас, а следом отключилась и вывеска мотеля.

Я стояла совсем одна. В полной тишине.

Именно тогда я заметила мальчика.

Лет восьми-девяти, на втором этаже. Он сидел на полу балкона, скрестив ноги, и смотрел на меня из темноты; за решетчатым ограждением виднелось его бледное лицо. На нем были шорты и футболка с цветными разводами – казалось, он собирается на пляж. Обхватив руками ограждение, он подался вперед.

– Эй! – выкрикнула я в изумлении.

Согласно гостевому журналу, в эту ночь никакие дети в мотеле не проживали – тем более одетые совершенно не по погоде. Я шагнула по направлению к лестнице. Потом снова крикнула:

– Эй! Ау!

Неожиданно мальчик поднялся и на тонких ногах скользнул по балкону прочь. С лестницы доносилась его размеренная, легкая поступь. Позабыв про дым, эфемерную ругань и все остальное, я побежала вдоль здания, рассчитывая поймать мальчика на спуске.

Добравшись до нижней ступеньки, тот завернул за угол и ринулся в черную пасть леса.

– Эй! – снова позвала я в тщетной надежде, что мальчик обернется.

По спине у меня пробежал холодок. Мне не привиделось? Кажется, нет. То есть мальчик настоящий?

Я как раз подошла к подножию лестницы, когда сверху

вдруг послышался уже знакомый щелчок. Вчера после такого же щелчка в мотеле начали открываться двери. Отступив, я задрала голову и вгляделась в просветы между перилами. На этот раз щелчок был только один, а следом раздался другой звук, который я также запомнила с прошлой ночи – шорох ткани. Потом кто-то сделал шаг – цок-цок, постукивали женские каблучки. И еще раз.

Не опуская головы, я снова отступила назад. Лампочка над номером 216 не горела, но кое-что все-таки можно было разглядеть. Дверь в комнату была открыта, как и прошлой ночью. На моих глазах на балкон вышла женщина.

Она стояла в тени, но я видела достаточно. На ней было темное платье по колено с длинным рукавом. Фиолетовое или голубое, с цветочным узором. На ногах – скромные туфли на небольшом каблуке. Стройная, с тонкими икрами и бледными, изящными руками. Волнистые волосы разбросаны по плечам. Вцепившись ладонями в перила, она взглянула на меня сверху вниз, и на мгновение я увидела черную подводку в уголках ее миндалевидных глаз и ровный, белоснежный овал ее лица. Она ничем не отличалась от миллионов похожих женщин с семейных фотографий предыдущего поколения – разве только тем, что смотрела прямо на меня и была при этом ненастоящей.

Ее широко раскрытые глаза горели злобой и тоской и будто укоряли. Она смотрела прямо на меня, и она точно не была реальной.

Женщина раскрыла рот, чтобы заговорить.

У меня вырвался крик ужаса, а потом меня за предплечье схватила чья-то рука — большая, сильная, настоящая рука. Развернувшись, я увидела рядом Ника Харкнесса, который тарасил на меня свои синие глаза.

— Какого черта ты делаешь?! — крикнул он.

Разинув рот, я начала было говорить:

— Я...

Но когда я подняла глаза, женщина уже пропала. Меня накрыло волной паники и невыразимого облегчения.

— Ты это видел? — спросила я у Ника.

Но он ничего не ответил. Его рука по-прежнему сжимала мое предплечье. Сверху открылась дверь, потом еще одна. И еще. Двери открывались одна за другой.

— Пошли, — скомандовал Ник и потянул меня за собой в сторону парковки.

— Куда мы идем? — выдавила я.

— Уезжаем отсюда. Понятия не имею, что здесь происходит, и узнавать как-то не спешу. А ты?

Фелл, Нью-Йорк

Сентябрь 1982

Вив

Обнаружив фокус с телефоном, она честно пыталась не подслушивать, но бороться с искушением было трудно.

Вот, например, Джейми Бланик. Молодой парень в джинсах и поношенной футболке, который постоянно курил сигареты, не обращая внимания на запрещающий знак; Вив было намного труднее отслеживать невидимого курильщика, если в «Вечерней заре» останавливался Джейми. От него всегда пахло сладковатым дымом, поэтому Вив решила, что он, скорее всего, продает травку и принадлежит к той категории парней, с которыми она сама никогда не общалась, а приведи такого в дом, – у матери случится припадок. Очень привлекательный, но в каком-то зловещем смысле – сразу видно, хорошего отношения от него не жди. Расписываясь в гостевом журнале, он всегда посылал в сторону Вив самодовольную ухмылочку: «Приятного вечера», на что она долгое время лишь молча кивала, как идиотка. Но как-то ночью все изменилось: когда он вновь появился на ресепшене, она решила ему улыбнуться, и он улыбнулся в ответ.

– Приятного вечера, – с этими словами он достал из кармана потертых джинсов свернутые в трубочку деньги и от-

считал несколько двадцаток.

Глядя на его растрепанные каштановые волосы, серые глаза – довольно приятные, кстати, – и эту небрежную сутуловатость, проступавшую легкой линией от плеч до бедер, она заметила:

– Частенько тут бываешь.

– А тебя это напрягает? – непринужденно отозвался он, растягивая слова, и взял ручку, чтобы заполнить гостевой журнал.

– Вовсе нет, – сказала Вив, а потом добавила: – Просто интересно, что тебе у нас так приглянулось? Неужели здешние виды?

Он поднял на нее глаза и улыбнулся загадочной улыбкой, которая могла иметь множество значений. Что же он хотел ей сказать?

– Точно. – Тон его был слегка шутливым. – Виды здесь и правда хороши.

– Замечательно, – сказала Вив, не отводя взгляда. – Не буду тебе мешать. Просто, чтобы ты знал, мне все равно, чем ты там занимаешься.

Джейми выпрямился.

– Хорошо, – ответил он и протянул руку за ключом.

На запястье он носил кожаный браслет с вставкой в виде лоскута ткани.

– Вот и отлично. Я не мешаю тебе, а ты мне.

– Ага, – Вив копалась в ящике в поисках нужного ключа.

– Если, конечно, не захочешь развлечься, – добавил Джейми. – Тогда приходи ко мне и просто постучи.

Ого! К такому Вив была не готова. Но все равно протянула ему ключ, наигранно хлопая ресницами, давая Джейми понять, что оценила его шутку.

– Прости, не могу, – сказала девушка. – Тогда меня уволят.

Молодой человек засмеялся; его смех был таким же приятным, как и он сам.

– Пусть будет по-твоему, мисс Правильная. Мне это развлечься не помешает. Хорошего вечера.

Джейми ушел, и когда через несколько минут на телефоне с легким щелчком зажглась лампочка, она сняла трубку и стала слушать его приятный, низкий голос. «Чувак, я на месте. Ты едешь?» Он созвонился с дюжиной клиентов. Все это время Вив, которая никогда в жизни даже не видела косяка и уж тем более ни разу не держала его в руках и не курила, открывала для себя новое: как называются все эти пакетики и сколько они стоят – и, наслаждалась чуть глуповатым юмором, с которым Джейми делал свою работу.

В другую ночь одна проститутка в перерыве между клиентами позвонила няне, чтобы проверить, как там ее четырехлетняя дочь Бриджет. Вив слушала. «Пусть обязательно выпьет молоко. Дайте ей попкорна, но только совсем чуть-чуть. Она сразу уснула или еще вставала? Иногда ей нужно пару раз сходить на горшок. Ладно, перезвоню позже, надо

бежать». В половине шестого она вышла – в обтягивающих джинсах и шлепанцах – и отправилась к машине, на ходу завязывая свои длинные волосы в хвост. Было еще темно, но в это время темнота кажется какой-то особенной – в ней уже сквозит надвигающийся рассвет. В полночь свет падает иначе. Но в полшестого мать Бриджет почти могла бы сойти за красотку: длинные волосы сияют, плечи расправлены. Сидя одна на ресепшине, Вив наблюдала, как непринужденно раскачиваются при ходьбе бедра этой женщины, и чувствовала зависть.

– Ты же наверняка видишь всякие гадости в этом своем мотеле? – спросила ее как-то вечером Дженни, пока обе они собирались на работу.

Одетая в медицинскую форму Дженни ела йогурт, а Вив в этот момент делала за кухонной стойкой сэндвич с болонской колбасой. По телевизору еле слышно шли десятичасовые новости. Вив надела джинсы с высокой посадкой и свободную белую футболку, которую заправила в джинсы. Образ завершал тонкий красный ремень, который, как ей показалось, смотрелся неплохо.

Услышав вопрос, Вив взглянула на соседку в изумлении: – Какие такие гадости?

Дженни лишь пожала плечами. На прошлой неделе она освежила перманентную завивку, и Вив, глядя на ее безупречные кудри, слегка завидовала и пыталась прикинуть, сможет ли наскрести денег на такую же.

– Ну знаешь, всякие. Извращенцев там. Или гомиков.

Проведя почти два месяца в «Вечерней заре», Вив стала более сведущей. Теперь она знала, кто такие «гомики», хотя и сомневалась, что хоть раз видела их вживую. Даже если и видела, понять, что это они и есть, она бы точно не смогла.

– Шлюх-то я часто вижу. – Вив была довольна собой, что употребила именно это слово: для продвинутой девушки это в порядке вещей. – А гомиков как-то нет.

Кивнув, Дженни зачерпнула ложкой йогурт, и Вив почувствовала облегчение, словно только что прошла проверку.

– Гомики-то в парк ходят. Но все равно. Наверное, жутко тебе там по ночам работать.

Вив подумала о призрачной женщине, которая велела ей бежать, о том, как ее толкнули в грудь в камере с автоматом, и сказала:

– Да, иногда.

– Ты, главное, будь осторожна, – предупредила Дженни. – А то закончишь, как Кэти Колдуэлл.

Вив завернула сэндвич в вощеную бумагу.

– Кто такая Кэти Колдуэлл?

Дженни выразительно пошевелила бровями и заговорила, подражая голосу Винсента Прайса:

– Жертва убийства. Тело обнаружили два года назад под эстакадой. Смерть наступила от удара ножом! – Тут она переключилась на свой обычный, скучающий тон и продолжила: – Она жила по соседству с моими родителями, через па-

ру домов. Мать мне теперь каждую неделю звонит. Считает, что я умру, как Кэти Колдуэлл, – из-за того, что работаю по ночам. Наверное, мне это от нее передалось.

– А Кэти перед смертью работала в ночную смену?

– Нет, возвращалась домой с работы.

С этими словами Дженни запустила ложку в йогурт, и в воздухе запахло кислым молоком.

– Мать просто в ужасе. Боится, что однажды в полночь ей позвонят и скажут: «Ваша дочь умерла!» Ах да, кстати, на пробежки тебе тоже лучше не ходить. А то будет как с Викторией Ли, которую убили и оставили на беговой дорожке где-то на окраине.

Вив на секунду забыла про сэндвич и во все глаза уставилась на соседку. Дыхание у нее перехватило, в груди набатом грохотало сердце.

– Что? Хочешь сказать, в Фелле орудует серийный убийца?

– Нет. – Голос Дженни прозвучал вполне уверенно. – Викторию прикончил парень, с которым она встречалась. Нам всем после такого стало страшно бегать. Но Кэти Колдуэлл...

Девушка округлила глаза и с деланным испугом приподняла бровь:

– Может, ее убил Майкл Майерс. А может, все было, как в той истории про няню: «Убийца поджидает ее в доме!»

Вив засмеялась, но смех получился каким-то вымучен-

ным. Она вспомнила мужчину, который положил руку ей на бедро в тот день, когда она ловила попутку. Вспомнилось, как потом она четко осознала, что мужчина мог запросто выбросить ее в придорожную канаву и никто бы даже не узнал об этом.

– Ладно. На беговую дорожку – ни ногой, – заверила соседку Вив, а потом добавила: – Я же все равно не бегаю. А что до мотеля, так там ко мне никто еще не приставал.

Даже торговец травкой Джейми Бланик вел себя по-своему мило.

– Пока не приставал, – сказала Дженни без обиняков, а затем оглядела Вив с головы до ног. – Я имею в виду, что ты симпатичная. И сидишь по ночам в этом мотеле совсем одна. Свободным девушкам вроде нас лучше держать ушки на макушке. Я вот, например, на работе никогда не выхожу на улицу ночью – даже покурить. А тебе хорошо бы носить при себе нож.

– Ну, не могу же я ходить с ножом.

– Конечно, можешь. Я ведь не про мачете говорю. А про маленький ножик – такой, знаешь, для девочек. Я и сама думала приобрести. И если на работе какой-нибудь старпер начнет мерзко себя вести – я ему сразу «вжик»!

Она изобразила, как втыкает нож в столешницу. Вив опять засмеялась. О своих буднях ночной сиделки в доме престарелых Дженни говорила мало: лишь упомянула, что работа скучная, а старики все как один со странностями и

никому не нужны. Казалось, она недолюбливает людей по определению, но к соседке в тот вечер отнеслась благосклонно.

Когда Дженни ушла, Вив еще немного повозилась, готовясь к очередной смене в «Вечерней заре». Телевизор по-прежнему работал: теперь по нему выступала роскошная брюнетка-ведущая, поверх которой на экране тянулась надпись: «ТЕХНИКА БЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ». «В темное время суток выходите из дома только в компании друга», – говорила ведущая своим безупречно накрашенным ртом. «Всегда сообщайте другим, куда собираетесь. Не садитесь в машину к незнакомцам. По возможности носите при себе свисток или фонарик».

Вив выключила телевизор и отправилась на работу.

В безлюдной тишине офиса, облаченная в голубой жилет, она уселась за стол и достала из сумочки блокнот. Аккуратным почерком, выработанным еще в первом классе школы родного штата Иллинойс, она выводила на бумаге чисто женские завитки, из которых затем складывались слова: «Кэти Колдуэлл. Найдена под мостом. Виктория Ли. На беговой дорожке. Бойфренд?» Поднеся ручку ко рту, Вив на секунду задумалась, а потом написала: «Купить свисток? Фонарик? Нож?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.